

AMARIE

АННА ВЛАДИМИРСКАЯ

Анна Владимирская

Amarie

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69335608

SelfPub; 2023

Аннотация

Она – амари, последний человек, способный переродиться в дракона, будущий Матриарх, объединяющий пять драконьих кланов, самая ценная добыча в мире и ключевая марионетка в интригах, что были сплетены за десятилетия до ее рождения. Ставки растут, самые невезучие платят жизнью.

Содержание

Ночь большого огня	5
Новый дом для спрятанной принцессы	6
Овдоветь, не успев жениться	15
Черный пес	19
Архелия	28
Маленький незнакомец	42
Наказание	46
Шаманка	53
Баракы нижнего города	67
Растерянность	73
Горькая помолвка	77
Тренировки	81
Отбросив мечты	91
Первая крупица правды	94
Эвакуация	106
Каган	111
Шойо	137
Побег	152
Похищение	166
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Анна Владимирская

Amarie

Амари – драконья принцесса. Одна из кандидаток в Будущую Верховную Королеву, объединяющую пять драконьих кланов. Но что, если драконы вымерли, амари осталась в одном экземпляре, и у нее совершенно иные планы, которые не интересуют тех, кто охотится за последним человеком, который способен переродиться в бессмертного дракона?..

Ночь большого огня

Крошечная девочка четырех лет, мирно спящая в своих покоях, надежно охраняемых королевской гвардией, не успела даже проснуться, когда к ее лицу приложили тряпку с раствором и вынесли бессознательное тельце из Золотого замка под покровом ночи.

Она не успела увидеть кошмар, начавшийся после. Малышка не видела, как ее родителей, брата и сестер пронзают мечами. Не знала, какой хаос начался, когда ее собственную кровать нашли пустой.

Не видела, как в ночи взметнулось пламя и не слышала крики погибающих во дворце людей.

Туран пал за одну ночь, когда обрушившееся от пожара северное крыло Золотого замка погребло под собой императорскую семью, а младшая дочь Ирристрию бесследно исчезла.

Новый дом для спрятанной принцессы

Горная крепость Кандир угнездилась на утесе высотой чуть больше трехсот метров. Чтобы добраться до ее ворот, приходится преодолеть не один десяток витков узкого серпантина. Дорога к воротам опасна – ее часто заносит снегом и льдом, а ветра здесь дуют такой силы, что сносят истощенных мужчин, бредущих по покатым ледяным ступеням. Днем лед на ступеньках тает и превращается в лужицы, из которых можно попить воды. Чем ближе врата Кандира, тем отвесней становится скала, тем уже становятся ступеньки, высеченные в горной породе. Растительности в помощь страннику здесь очень мало – изредка на каменистой почве встречаются низкие кустики солянки и парнолистника.

Где-то внизу простирается Дорешская степь – жаркая днем и холодная ночью.

Кандир – это большой город-бастион, вгрызающийся в скалы. Взять бастион не удавалось ни одному из ныне живущих королей. Войско Дана – так называемые «данны» – это невидимые, бесшумные убийцы, от которых невозможно спрятаться за высокими стенами и за спинами сотен стражников. Данны – та сила, против которой нет оружия, а потому цари разумно предпочитают сохранять мирные отноше-

ния с правителем этого бастиона.

– У меня для тебя новое развлечение, – усмехнулся Дан – высокий, с узкими, суховатыми плечами, седовласый мужчина со щетиной на лице, которой немного не доставало называться бородой.

– Ты, верно, шутишь? – скептически отозвалась прекрасная, полногрудая женщина с вьющимися черными волосами, достигающими талии, и величавой осанкой, которая бросалась в глаза, даже когда женщина лежала на кровати, просунув руку между своих ног, заставив ткани юбки задраться и обнажить соблазнительное бедро. – Последнее твое "развлечение" едва не откусило мне руку до локтя.

Мужчина сделал вид, что задумался.

– То, что я для тебя приготовил, может, и кусается, но, так или иначе, оно неопасно.

Кара бросила на своего покровителя заинтересованный взгляд из-под великолепно очерченных черных бровей.

– Ну, и где же твое "развлечение"?

– Тише, – он поднес указательный палец к узким губам, открывая массивную дверь в комнату, где Кара не раз развлекала своего покровителя.

– Дитя? – она разглядела под воздушным, полупрозрачным балдахинном маленькое тельце ребенка. – Почему ты решил, что мне нужен ребенок?

– Тсс, – Дан снова приложил палец к губам и слегка отодвинул невесомое покрывало.

Кара тихо вскрикнула и попятилась, различив тусклое мерцание золота в волосах спящего ребенка.

– Боги, как ты мог быть столь безрассуден?! – прошипела она, пятась к двери. – Что ты натворил?!

Дан неуловимым движением метнулся к женщине и схватил ее за горло, заставив обернуться на ребенка.

– Милая моя Кара, – тихо проговорил он ей на ухо, – ты – единственная надежда этого ребенка на нормальную жизнь.

– Ты сошел с ума?! Что я могу дать ей в этих четырех стенах?! О какой нормальной жизни ты говоришь?

– Пойдем, – он вытолкнул ее за дверь и запер комнату.

– Объясни мне, – грозно нахмутив брови, потребовала Кара. – О чем ты думал?

– Пойдем, я объясню тебе, что случилось с императорской семьей.

– Чего тут объяснять? Ее семья, ее династия – уничтожена. Как ты мог вмешаться и спасти девчонку?

– Я знал, с какой целью Ахал ведет свои войска на Туран.

Каралан вздохнула и одним изящным движением, которое выдавало в ней танцовщицу, легла на бархатную кушетку, в молчании склонив голову так, что пышные волосы прикрыли лицо, оставив лишь мерцающие в свете свечей карие глаза.

– Все знали. Туран – самый удобный выход к морю, откуда рукой подать до Омана, Ахирама, Могадора в конце концов. Все понимали, что Ахал не ограничится землями на юге, кроме, похоже, императора, – хихикнула она.

– Ахала не интересовали земли севера.

– Может быть, он хотел свататься? Я знаю о варварских обычаях южан, они собирают все окрестные деревни и трясут оружием у порога невесты, как будто это должно ее впечатлить, – Кара осуждающе цокнула языком.

– Да, он пытался, – согласился Дан. – Но не так, как принято в Утмасае. Будучи образованным, Ахал пытался вести переговоры с императором, но они ни к чему не привели.

– Конечно они ни к чему бы не привели. Принцессы давно обещаны другим, — сказала Кара, пожав округлыми плечами, с которых благодаря этому движению соскользнули тонкие лямки платья. – Но Ахал по южным традициям мог прийти к порогу Золотого замка и начать трясти оружием. Это могло произвести впечатление на императора.

– Появись Ахал с войском на границе Турана и императорская семья была бы спрятана так, что даже я не смог бы найти ее, – возразил Дан, взглянув на женщину так, словно она была глупой комнатной собачонкой. – Поэтому Ахал поручил уничтожение Ирристрианцев наемникам, которые проникли бы во дворец в то время, пока Ахал движется к границам его империи. Кара нервно хихикнула, что было на нее непохоже.

– Наемникам? Вам?

– Нет, это были не мы. Мы слишком тесно общались с императором для того, чтобы Ахал поручал это нам. Это были наемники ордена Марейны с берегов Омана.

– Тогда зачем ты вмешался? – Кара недоуменно распахнула карие глаза.

– Я знал, зачем Ахалу императорские дочери. И не мог допустить того, чтобы они попали к нему. Это означало бы конец того мира, который мы знаем сейчас.

– Не понимаю, – она покачала головой.

– Поэтому я и вынужден рассказать тебе о том, кем на самом деле являются Ирристрианские наследницы.

– О, ты никогда не интриговал меня так, как сейчас, – кокетливо хихикнула Кара, перекатившись поближе к мужчине.

– Ахал один из тех, кто верит в священную легенду Турана о наследии Золотых драконов.

– Нет, это уже чересчур, – Кара резко встала и собралась идти к выходу. Только она могла позволить себе такие дерзости в присутствии главы Кандира. Дойдя до двери, она обернулась на молча стоявшего Дана, который продолжал задумчиво изучать небо в узкое окошко.

– Ты меня не остановишь?

– Шаг за порог – и к закату твоя голова будет пугать ворон на воротах крепости, – спокойно заявил он, и в его серых глазах мелькнула та самая беспощадность, что до дрожи пугала тех, кто его знал.

Каралан покраснела от возмущения, однако молча вернулась на кушетку, сев прямо, напряженно.

– Если ты перешел к прямым угрозам, значит, дело дей-

ствительно серьезное.

– Повторять два раза я не буду. Всем известно, что в златоволосых ирристрианках течет кровь древних драконов. Ты знаешь, что это значит?

Кара изумленно смотрела в одну точку.

– Разумеется. Дракон – средство обрести бессмертие. Но их истребили тысячи лет назад... Неужели это правда? Малышка Архелия – наследница драконьего рода, которая может подарить бессмертие?

– Я вижу, как зажглись твои глаза. Если хоть один волос упадет с головы Архелии, твоя жизнь превратится в пытку.

– Я похожа на дурочку, которая станет перечить твоим приказам?

– Амари Архелия носит золотые волосы, а это первый признак того, что она принадлежит золотым драконам. Однако, все это было бы похоже на сказку, если бы не существовал способ проверить подлинность легенды.

– Ты проверил? – распахнула глаза Каралан, от напряжения вцепившаяся в обитый атласом подлокотник кушетки.

– Разумеется, нет. Потому что этот способ – ни что иное, как обряд освобождения драконьей сущности.

– Так проводи его!

– Если она не драконица, то погибнет в ходе обряда.

– А тебе какая разница, будет ли она жить как человек?

Дан бросил на Кару взгляд, от которого она смиренно замолчала.

– Теперь ты понимаешь, почему я спрятал девчонку? Ты понимаешь, что будет с этим миром, если Ахал станет бессмертным? Всего за двадцать лет он покорил пятую часть Алькамара, а что случится, если у него в запасе будут сотни, тысячи лет?

– Я понимаю. Но что с обрядом? Как его провести?

– Я не знаю. Возможно, знает Ахал. Как бы это ни было, никто не должен знать о существовании Архелии. Только ты, я, и Уман. Те, кто принес Архелию в крепость уже казнены, поэтому тайна остается внутри.

– Ты собираешься держать ее у себя до тех пор, пока не узнаешь, как провести обряд?

– Возможно. Теперь я расскажу тебе о твоей роли. Девочке всего четыре года, ее память слаба, хотя разум укреплен Туранскими мастерами. Ты должна стать ей родной матерью. Придется постараться, чтобы она поверила, так как во дворце ею специально занимались мастера по защите разума от вмешательства. Однако здесь тебе повезло. Во дворце ее разум укрепляли против насильственного вмешательства, ты же заставишь ее верить в то, что тебе нужно, посредством любви, ласки и нежности. Также я не должен видеть ее с золотыми волосами. Сделай что хочешь, используй свои женские фокусы, но обрати цвет ее волос в любой другой, темный цвет.

– О-хо-хо, это самое легкое из всего, что ты поручал мне.

– Я рад, что это так просто для тебя, – нахмурился Дан. – Я

стану ей отцом. Я буду учить ее защите, чтобы, когда придет время, она не была легкой добычей.

– Ты не станешь брать ее жизнь в обмен на бессмертие?.. – спросила Каралан.

Дан пронзил женщину ледяным взглядом, означающим, что ей не следует задавать подобные вопросы.

– Обучением займется Уман. Этот старый книжный червь – лучшее, что можно предложить неофиту, – после недолгого молчания продолжил он.

– Ты собираешься окружить ее всего тремя людьми? Она будет расти! У нее начнут появляться вопросы, на которые ты не сможешь дать ответы!

– Я не собираюсь искать ответы на ее вопросы. Этим займешься ты. И первое, самое главное требование – она не должна помнить кто она. Ты должна внушить ей, что все, что она видела – сон. Она будет плакать и не узнавать обстановку. Убеди ее, что она, скажем, была больна и долго лежала в кровати.

Кара встала и подошла к Дану, прислонившись к его худощавой, но скрывающей большую силу груди.

– Дан, я умоляю тебя... Эта девочка приведет тебя к краху. Ахал придет сюда за ней, и ты не сможешь дать ему отпор, ты же знаешь. Неужели ты хочешь потерять все, что ты создавал годами непосильного труда ради одной-единственной девчонки, пусть и необыкновенных кровей. Я не знаю, что ты задумал и чего ты хочешь, но я прошу тебя – отка-

жись от этой затеи. Я никогда не смела давать тебе советы, но теперь я не могу молчать. Ты – единственное, что у меня есть, и я не хочу терять тебя из-за легенды. Не разрушай свой мир своими же руками.

– Каралан... – Дан заключил женщину в крепкие объятия, которые она так любила. – Я обязан спасти последнее, что осталось от тех, кому я присягнул на верность. Я найду способ провести Обряд и возвеличу Архелию. А пока я не найду способ провести Обряд, Кандир будет ей родным домом.

– Тебе придется проверить каждый клочок земли этого мира, это займет сотню лет.

Дан отпустил ее и со вздохом опустился в свое кресло.

– Мне нечего терять.

– Покажи мне здесь хоть кого-нибудь, кому есть, что терять, – отозвалась Кара, присев на пол и положив свою голову с роскошными кудрями ему на колени.

– Драконы были самыми могущественными существами в этом мире, – задумчиво продолжил мужчина. – Я стану тем, кто возродит их. А ты пока займись обстановкой комнаты Архелии, чтобы, когда она проснулась, то поверила, что живет там всю жизнь.

Овдоветь, не успев жениться

Королем царства, что было расположено на дальнем материке, был Эмон Лимерийский – невысокий, коренастый мужчина с такими широкими плечами, какими мало кто в царстве мог похвастать. Годы его молодости давно и безвозвратно прошли, и теперь это был сутулый, седой старик, чья фигура стала казаться меньше от обрушившихся на него горьких вестей.

– Туран пал, – выдохнул король Могадора, оглядывая всех присутствующих в тронном зале.

В зале воцарилась тишина.

– Живы ли..? – начал свой вопрос младший брат короля Раэстан, который сильно напоминал короля в годы расцвета его молодости.

– В живых никого не осталось, – король Эмон Лимерийский скомкал кусок тонкой кожи, на которой было вырезано мрачное послание.

В тронном зале помимо короля и его брата находились также королева Миадрия с тремя сыновьями – Даррином, Герисом, Лераем, а также советники, королевский лекарь и целая толпа знати, каждый из которых занимал мало-мальски важные должности при дворе. Это означало, что в зале собралось немногим более полусотни человек.

Леди Миадрия с тяжелым вздохом потеряла виски. Ед-

ва-едва забрезжил мир с Тураном, который планировалось достичь помолвкой Даррина с младшей Ирристрианкой, как все тут же рухнуло. Определенно, последние двести лет Могодорской королевской семье не сопутствует удача. Одиннадцатилетний Даррин у ее ног завожился и потянул подол матери, привлекая ее внимание. Конечно, он уже знал, что ему в невесты суждена маленькая Архелия, принадлежащая линии, славящейся своей красотой и.. драконами.

– Тише, милый, – она поворошила рукой его длинные светлые волосы и кивнула на короля-отца.

– Рано или поздно этого следовало ожидать, мой король, – подал голос королевский звездочет, – Падение столь нерушимой империи было предсказано очень давно. Не далее как вчера Черный Пес оказался на одной линии с...

– Что проку нам теперь от твоих звезд?! – прикрикнул на него Раэстан.

Король тяжело поднялся с трона и махнул рукой на людей, скопившихся перед тронном.

– Прочь, прочь. Все, кроме вас, – он остановил родню и трех своих военачальников – старшего, умудренного опытом, среднего – действующего и младшего – учащегося. Те молча поклонились и встали перед королем.

– Что вы думаете о Черной Собаке? – поинтересовался король Эмон, принимая из рук пажа теплое вино с травами, которое облегчало ему боль в коленях.

– Он подл, ваша светлость, однако у Ахала нет флота, что-

бы доплыть до Могадора и объявить ему войну, – подал голос старший. – Весь его флот составляют торговые посудины, снующие по миру. Хазред'Ас врос корнями в землю и не осмелится пройти по морю.

– Я считаю, что он не настолько дурак, чтобы объявлять войну Могадору, – сказал средний. – Наша военная мощь достигла расцвета с тех пор, как нам больше не нужно воевать с Ирристрию за Ахирам.

– А я думаю, что ему просто незачем идти на Могадор, – добавил младший. – К тому же с Оманом у нас тесная дружба, принц Лерай вскоре уедет туда, чтобы расти с невестой. Оман, без сомнения, поддержит нас, и на всем южном побережье Ахал не найдет ни клочка земли, где сможет высадиться.

– Все вы правы, – вздохнул король, за годы своего правления уставший от повторения очевидного. – Однако, чтобы сокрушить ирристрианцев, Ахалу даже не понадобилось входить в Туран со своим войском. За него всю работу сделали некие наемники.

– Все побережье, все порты принадлежат нам или Оману, – возразил старший. – Тамошные жители помнят в лицо прадедов своих соседей. Если появится кто-то новый, даже один человек, об этом станет известно. Мэры портов ведут перепись каждой крысы, что ступает с чужих судов на наши земли. Даже тень не сможет проскользнуть незамеченной.

– Ты низкого мнения о тенях, – задумчиво сказал король

Эмон. — Однако ты утешил меня.

— Мы сами должны объявить войну Утмасу! — порывисто крикнул младший. — Они лишили нас ирристрианской принцессы и должны ответить за это!

— Никакой войны, — возразил король. — Нам достаточно многолетней изнуряющей борьбы за Ахирам, пропади он пропадом.

Остров Ахирам был больной мозолью Могадорских королей, которые полтора ста лет воевали за него с Тураном и одержали победу, напрочь испортив отношения с королевской семьей Ирристрию. И только лишь забрезжила надежда на возобновление дружбы, как все тут же рухнуло.

— Какая же девица сравнится с той, в ком течет кровь драконов? — поинтересовался Раэстан, заинтригованный тем, на ком король собрался женить старшего сына.

— Невесты сами объявятся на пороге, как только узнают, что Даррин овдовел, не успев жениться.

Черный пес

– Господин, – вошедший мужчина низко поклонился, не поднимая глаз на Дана.

– Я слушаю тебя.

– Ахал ждет вас.

Дан встал и не спеша подошел к окну, из которого как на ладони была видна Дорешская степь – песчаная долина, простершаяся под крепостью, которая угнездилась на скале. Сейчас это пространство не пустовало. Тысячи и тысячи воинов Ахала заполнили привычную пустоту. Войско непобедимого полководца расступалось в своем центре, обнажая несколько шатров, среди которых выделялся самый большой, из плотной, кипельно-белой ткани. Шатры были окружены тысячами воинов, и только тонкая нить песка проглядывала в коридоре, созданном войском для прохода Дана. Эта нить тянулась к подножию скалы, где начинался серпантин для подъема к неприступной крепости.

– Господин, будете ли вы брать охрану? – все также не поднимая глаз, спросил мужчина.

– В этом нет ни смысла, ни необходимости. Шатер прямо по центру войска и ни одна живая душа не выйдет оттуда против воли Ахала.

Дан воспользовался узкой тайной лестницей, проходящей через все нутро Кандира и выходящей с той стороны скалы,

где Кандир вращал в гору. С собой он взял лишь десяток отборных воинов в знак уважения к Ахалу.

Он рисковал. Рискował не только своей жизнью, но и всем, что создавал все эти годы. Он мог только гадать, почему Ахал пришел к нему всего через два месяца после разгрома Ирристрианцев. Конечно, он не нашел девчонку. Люди Дана с самого начала шли только за младшей Архелией, которая была совсем ребенком. Ребенком, над которым можно взять контроль, внушить... Дан позволил старшим дочерям императора погибнуть под руинами дворца, в фундамент которого люди оманского ордена заложили взрывчатку. Пламя, вознесшееся по воле маренийцев, должно было скрыть все следы. Обрушившиеся стены похоронили под собой останки императорской семьи.

Насколько было известно Дану, никто из маренийцев не вышел из Золотого замка. Некому было поведать Ахалу о том, кто из Ирристрию был жив, а кто нет. Но так или иначе, Ахал уже знает, что в Ночь Большого Огня во дворце Ирристрию был кто-то еще.

Значит, великий полководец мог прийти к нему по двум причинам. Он подозревает Дана и собирается получить ответы на свои вопросы. Или он собирался просить его найти выживших.

Погруженный в свои мысли Дан не обращал внимания на воинов Ахала, окруживших его, когда он проезжал по узкому коридору его войска.

Ахал – высокий мужчина, младше Дана на двадцать лет, был крепко сложен, а его жесткий взгляд выдавал в нем властную натуру. Волосы у полководца были отрезаны очень коротко – в походных условиях было не до наведения лоска. Одет он был просто, в штаны и рубаху из плотной ткани, однако Дан отметил, что тот оставил минимальную защиту – нагрудник, а шея была обмотана плотным шелковым платком. Простая одежда и защита могли бы сказать, что это простой воин, однако величественная осанка и жесткий взгляд полководца выделяли его среди прочих.

Спешившись с коня, Дан поклонился вышедшему встречать его Ахалу, который также поклонился главе Кандира, что означало, что он испытывает к Дану должное уважение. И, хотя, именно Ахал вызвал Дана к себе, сейчас он вел себя на равных.

Войдя в шатер, Ахал тут же опустился на мягкие расшитые подушки и взял чашку травяного чая. Жестом он пригласил Дана сесть и взять чай.

– Великий Дан, – Ахал поднял чашку. – Я счастлив видеть, что ты в добром здравии.

Дан в ответ поднял свою чашку и прикоснулся ею к чаше Ахала.

– Боги благосклонны к тебе, Ахал. Из умного не по годам мальчишки ты вырос в непобедимого царя.

– От тебя невозможно что-либо скрыть, – Ахал слегка улыбнулся и Дан ответил прищуром глаз, давая понять, что

понял намек.

– Слухи летят по земле со скоростью ветра, а мой замок высоко, он собирает ветра, которые доносят мне твои победы.

– Для тебя не будет новостью падение империи Ирристрианцев. Что ты собираешься делать?

– То же, что и всегда. Я остаюсь в своем замке, и пусть вокруг все меняется, моя крепость останется неизменна, – Дан дал понять, что он, как и всегда, придерживится нейтральной позиции несмотря на смену власти.

– Я собираюсь подарить тебе Туран.

Дан не отреагировал на эти слова, так как знал, что это лишь прелюдия к основной теме.

– Я смиренно приму твой благосклонный дар, Ахал, – он лишь кивнул и продолжил пристально смотреть на полководца.

– Тебя не провести, мой друг, – усмехнулся тот. – Ты знаешь, что это лишь награда за то, что я собираюсь предложить тебе.

– Я готов выслушать.

– Два месяца мои воины своими руками разгребали рухнувший дворец Ирристрию, – взгляд Ахала вдруг потемнел от ярости, переполнявшей его. – Четыре долгих года я готовился к уничтожению династии, и это свершилось. Но знаешь, что я нашел там? Там, под развалинами дворца?

Дан ощущал прямую угрозу, однако отвечать на провока-

ции не собирался.

– Не знаю, Ахал, то мне неведомо.

– Я ничего не нашел из того, что искал, – Ахал так сильно сжал чашку из тонкого фарфора, что она треснула и обратилась в мелкие осколки под напором грубой руки.

Дан меланхолично провел взглядом по осколкам.

– Могу я узнать, что ты искал там?

Ахал задрал подбородок и сузил глаза, пристально разглядывая Дана, как хищник изучает свою добычу перед нападением.

– Ты знаешь, что я искал там. Не можешь не знать! Или я потеряю к тебе всякое уважение как к лучшему ищейке в мире!

Дан, прикрыв глаза, в ответ лишь покачал головой. Ахал продолжал пристально наблюдать за главой даннов, надеясь разгадать его мысли.

– Как я могу знать о том, что ты ищешь, если ты держишь свои мысли при себе?

Ахал довольно ослабился.

– Я не ошибся в тебе, Дан.

– Я могу знать лишь то, что ты пришел в Туран за сокровищем. Везде, где ты проходил до него, ты приобретал сокровища, редкости. Твой замок переполнен сокровищами со всего мира, и ты пришел пополнить свою копилку еще одной вещью. Я не знаю, что это, но я уверен, что оно чрезвычайно важно для тебя, раз ты решился на уничтожение Ирри-

стрианцев. Это не просто важно. Это составляет смысл твоей жизни, я прав?

Ахал удовлетворенно откинулся на подушки. Дан – один из немногих людей этого мира, который внушал ему уважение. Ахала всегда интриговал этот загадочный человек, который никогда не говорил ни единого лишнего слова, порой словно слышал мысли собеседника и, конечно, всегда знал всё обо всем.

– Ты прав, Дан. Я пришел за амари Ирристрию.

Сердце закаленного жизнью Дана сжалось. Он, стараясь сохранять невозмутимый вид, потянулся к вазочке со сладостями. Ахал, словно змея, пристальным взглядом проводил каждое движение собеседника. Дан понял, что скрывать определенные вещи будет верхом глупости.

– Я знаю эту легенду, Ахал. Но не думал, что такой образованный человек, как ты, станет верить в нее.

– Меня не интересует твое мнение об этом. Мне нужна амари.

– И ты собрался отдать мне Туран в обмен на них?

– Ты проницателен, как никогда, Дан, – Ахал позволил себе закатить глаза и саркастично усмехнуться.

Дан, словно огорчившись чему-то, покачал головой.

– Ты считаешь, что она у меня, но ты ошибаешься. Ты можешь осмотреть каждый камень Кандира и убедиться в этом.

– О, ты же не считаешь меня глупцом, способным на та-

кое? – засмеялся Ахал и вдруг посерьезнел. Он приблизил лицо к Дану и, глядя ему прямо в глаза, сказал, – Я положу жизнь тысяч своих воинов, я положу все королевства, что я завоевал, чтобы найти ее. И я уничтожу любого на моем пути, даже если он обладает лучшими воинами, каких видел мир, и десятками скрытых неприступных крепостей на вершинах гор. Я сотру из Истории саму память о тех, кто встанет на моем пути.

Дан, не отводя взгляда от глубоких карих глаз полководца, сказал:

– Что, если амари мертва?

Ахал с искаженным от ярости лицом, опустил кулак на скатерть.

– Тогда тот, кто это сделал, будет жалеть об этом до конца своей долгой жизни.

– Ты хочешь, чтобы я нашел амари?

– Я хочу получить ее любой ценой, – сказал Ахал, и Дан прочитал в его словах такой явный намек, что очевиднее было бы разве что сказать об этом вслух.

Ахал не сказал о том, что Дан должен искать амари, а значит, он подозревает главу даннов в том, что он спрятал ее. И он совершенно явно дал понять, что осадит Кандир и найдет каждую из многих скрытых крепостей Дана, которые он основал высоко в горах, и обыщет их.

Вопрос был лишь во времени, а вернее, в терпении Ахала. Именно этот вопрос Дан решил уточнить.

– Поиски амари могут затянуться. Ты напрасно поручил уничтожение Ирристрию наемникам Марейны. Учитывая их наличие в игре, поиски могут и вовсе не привести к какому-либо результату.

– У меня есть время.

– И мне не нужен Туран. Ты знаешь, я коллекционирую знания. И я, зная твою склонность собирать редкости со всего мира, хотел бы посетить твою библиотеку и выбрать откуда любой фолиант на свой вкус.

Ахал снова пристально уставился на Дана. Ни один из этих мужчин не был дураком и оба всегда могли довольно ясно прочитать скрытый смысл в словах. Дан не просто так решил взять одну запыленную книжку вместо огромной, могущественной страны.

– Хотел бы я знать, Дан, что за манускрипт тебя интересует.

– Ты видишь, меня не интересует власть или... бессмертие. Я лишь хочу взглянуть на твою библиотеку, рассчитывая на твою исключительную честность, которая не позволит тебе спрятать какую-либо особенно дорогую тебе книгу, которой я могу заинтересоваться.

– Я понял твои слова так, что тебя не интересует что-либо определенное. Ты лишь хотел бы понять, насколько исключительна моя библиотека?

– Именно так, – кивнул Дан, не веря подвернувшейся удаче, которая позволяла похозяничать в библиотеке челове-

ка, обошедшего половину мира в поисках редкостей. – Могу я получить твое слово о том, что ты не станешь прятать от меня что-либо в ней?

– Я даю тебе слово, – хохотнул Ахал и, налив чай в новую чашку, чокнулся с Даном. – За честность, мой друг!

Дана насторожило данное Ахалом слово. Нет, он не сомневался в том, что полководец не может нарушить его – в их мире данное перед богами слово не могло быть безнаказанно нарушено и об этом знали все, вплоть до последнего нищего. Если Ахал позволил себе дать слово, значит того, что интересуется Дана (и о чем знает проницательный Ахал), нет в его библиотеке. Следовательно, Ахал не знает, как провести Обряд...

Архелия

Открыв глаза, девочка испуганно уставилась на широко улыбающуюся Кару.

Юная, прелестная Архелия могла бы выглядеть как обычный ребенок четырех лет, но ее выдавала королевская стать, присущая императорским детям, которых обучали едва ли не с рождения, и, конечно же, великолепные золотые волосы. Девочке не стригли их, и сейчас они достигали талии, слегка завиваясь к кончикам.

– Вот ты и проснулась, милая! Как ты себя чувствуешь? – женщина отработывала схему, которую для нее придумал Дан.

Архелия молча буравила взглядом ясных голубых глаз так и лучащуюся счастьем Кару, которая чувствовала себя крайне неуютно с этим ребенком.

– Все в порядке, Салар, теперь ты здорова и снова можешь играть! Пожалуйста, скажи хоть что-нибудь.

Однако юная принцесса, волею судьбы закинутая в неизвестное ей место, лишь прищурилась и окинула взглядом комнату. Девочке было всего четыре года, однако, она уже не была дурой.

Ее взгляд отмечал грубые каменные стены из желтоватого камня, прикрытого для тепла толстыми гобеленами, которые изображали сцены из жизни высшей знати. Несмотря на то,

что Кандир находился в жаркой долине, более напоминавшей пустыню, каменные стены крепости хранили холод, из-за чего в комнатах и залах всегда было прохладно, а в холодные времена года температура и вовсе опускалась настолько, что заставляла жителей Кандира укутываться в теплую шерстяную одежду.

Сама девочка сидела на огромной кровати, застеленной множеством лоскутных одеял, которые накрывали одно роскошное и очень дорогое одеяло из золотистой материи.

– Посмотри, что у нас для тебя есть, – Каралан показала на это новое и красивое покрывало. – Отец привез его специально для тебя из далекой страны.

Архелия прищурилась и, встав с кровати, направилась к узкому окошку, из которого проглядывало голубое небо. Впрочем, достать до окна у нее все равно не получилось – не хватало роста. Качнув золотыми локонами, девочка встала спиной к стене и уперлась взглядом в Кару.

– Что тебе сегодня приснилось, милая? Ты снова говорила во сне, тебе снился красивый замок? Расскажи мне, у тебя всегда очень красивые сны.

Губки Архелии сжались, задрожали, и девочка разразилась плачем. Кара понятия не имела, как утешать детей или хотя бы заставить их молчать. А заставить девочку замолчать необходимо – ее крик, вероятно, слышат у самого подножья скалы. Одна мысль заставила женщину вздохнуть от облегчения – Дана сегодня не было в его замке. Он ушел в

учебную часть Кандира, где проходят тренировки его верных бойцов.

На случай непредвиденных истерик со стороны Архелии у Кары было приготовлено несколько игрушек, которыми можно было отвлечь ребенка. Среди них значились: изысканная фарфоровая кукла, хрупкая как стекло, золотой мяч, который мог привлечь внимание привыкшего к роскоши ребенка, сшитые из шкур игрушки животных, которые по реалистичности могли бы соперничать с оригиналом, и небольшой чан со свежей, мягкой глиной для лепки.

Глину сюда приволокли по настоянию Кары, которая не раз видела, как ребятишки лепят из нее фигурки, а затем запекают у пекаря. Дан с недоверием отнесся к идее лепки, поглядывая на пышный ковер, устилающий холодные каменные плиты пола и дорогую мягкую мебель, привезенную издалека. Однако Каралан, в задачу которой входило всяческое увеселение девочки, клятвенно заверила покровителя, что глина не оставит ни единого следа на мебели.

– Салар, ну что ты, не плачь, – Кара рискнула приблизиться к ребенку, однако крик девочки от этого стал еще более пронзительным. – Ну, Дан, я тебе это припомню, – сквозь зубы поклялась женщина. – Салар, взгляни, что у нас есть для тебя, – она раскрыла сундучок с «сокровищами» для принцессы. – Ох, Дан, ну что это такое?.. – Кара возмутилась наличию декоративных кинжальчиков в сундуке, которые, впрочем, были прекрасно заточены. Едва она взяла малень-

кие кинжалы в руку, как девочка вострепелась, замолкла и впиалась взглядом в сверкающие драгоценные камни на рукоятках ножей.

– Прости, моя милая, но тебе это нельзя, тебе ведь дорога твоя жизнь?.. – женщина собралась встать и унести кинжалы, но девочка, насупившись, вытянула руку. – О, нет-нет... – она встала и направилась к двери.

Маленькая принцесса в ответ на это со всей силы топнула ножкой и, отбив пятку о пол, снова заревела.

– Боги... – Кара закатила глаза и, вынув из сундучка золотой мяч, кинула его девочке. Та, не на секунду не прекращая рёва, пнула подкатившийся к ней мяч и продолжила поливать слезами свою тонкую, дорогую сорочку. – Хорошо, хорошо, подожди секунду... – женщина достала кусок материи, разорвала его на несколько узких лоскутов и крепко обмотала лезвия кинжалов, после чего торжественно вручила их девочке.

Та, удовлетворенно всхлипывая, рассматривала переливающиеся в неровном свете факелов драгоценные камни на рукоятках.

– Салар, скажи что-нибудь, – попросила Каралан, которую поначалу пугало молчание девочки, однако теперь она убедилась, что голос у малышки имеется, осталось удостовериться, что она умеет говорить.

Архелия кинула на нее суровый взгляд исподлобья и, зажав кинжалы в ручонках, решительно двинулась к двери.

Кара, глядя на деловито семенящую к двери девочку, вздохнула и направилась за ней. Пока волосы принцессы не утратят своего золотого цвета, ей нельзя показываться на людях. К счастью, по своему опыту женщина знала, что смена цвета волос не займет больше трех-четырёх дней. Каждый день их нужно дважды полоскать в специальном отваре трав. А принцессе придется еще и умыться им, так как брови и ресницы девочки хоть и темнее волос, но все равно отсвечивают золотым. А пока придется развлекать ее своими силами. Конечно, она может натянуть ей на голову платок, но кто даст гарантию, что девчонка не стащит его со своей головы при толпе народа? И хотя все, что происходит в крепости Кандир, в ней и остается, Дан не собирался лишний раз рисковать, демонстрируя населению крепости украденную принцессу. Цена ошибки была бы слишком велика. Поэтому, юную Архелию планировалось представить на людях как внебрачную дочь Дана и Каралан. Пока, правда, было неясно, какой цвет волос «унаследует» девочка, так как Кара не могла предугадать эффект отвара.

Вернувшийся Дан застал Архелию за увлеченным отпиливанием головы игрушечной зверушки обмотанным тряпкой кинжалом. Девочка сидела на пушистом ковре, а вокруг нее в беспорядке валялись все ее игрушки, многие из которых утратили свой первоначальный облик в связи с неумным любопытством их маленькой владелицы. Измученная Кара дремала на кровати. Дан отметил появление в комнате боль-

шого стола, на котором хаотично были разложены блюда с давно остывшей едой.

– Здравствуй, милая Салар, – Дан раскинул руки, натягивая самую дружелюбную улыбку, которая у него не получилась, ибо правитель Кандира не привык дружелюбно улыбаться.

Провести девочку ему не удалось – Архелия вскочила и отошла к стене, глядя на него своим отработанным взглядом исподлобья. Мужчина растерянно почесал щетину на лице и присел на кровать.

– Я смотрю, вы поладили, – сказал он проснувшейся Каре.

– Я убью тебя, Дан, – промычала та и уткнулась головой в подушку.

Тот усмехнулся – сейчас он был готов простить этой женщине дерзость.

– Она меня вымотала, – не дождавшись извинений, сказала Каралан. – Я не думала, что воспитание детей такая сложная вещь.

– Поэтому я поручил это дело тебе.

– Да просто больше некому, – вздохнула Кара и рывком села на кровати. Ее густые, темные кудри упали на лицо, скрыв от Дана выражение ее глаз. Она смотрела на девочку, которая ворвалась в ее жизнь столь внезапным порывом, что Кара до сих пор была не в силах осознать тот факт, что теперь она мама. Она никогда не задумывалась о материнстве – ее полностью устраивала жизнь в Кандире в качестве жен-

щины Дана. Кара совершенно точно знала, что если бы не Дан, она сейчас скорей всего была бы мертва, ибо глава крепости вытащил ее из такой дыры, откуда был лишь один путь – в могилу. Дан позволял Каре многое, и она платила непоколебимой преданностью. Она знала также то, что попади она, тогда юная и ослепительная в своей свежей красоте в другие руки – и ничего, кроме безнадежного рабства бы не увидела. В Кандире она была свободна и ее поступки ограничивались лишь общим уставом крепости. И несмотря на это, она всегда по первому зову приходила к Дану. К нему ее привязала не сила, могущество или богатство, а глубокая благодарность, со временем превратившаяся в более глубокое чувство. И только сейчас она вдруг подумала – а каково это было бы – иметь ребенка от Дана?

Нет, это было невозможно. Каралан долгим взглядом смотрела на девочку, вернувшуюся к игрушкам, и вздрогнула от неожиданности, когда Дан нежным жестом заправил ей за ухо прядь волос.

– Меня немного беспокоит ее поведение, – тихо сказала женщина. – Она ничего не говорит.

Дан встал, утянув за собой любовницу и подвел ее к окну. Кара удовлетворенно вздохнула, когда он положил ей руки на плечи и склонился к уху.

– Это просто нервы от всего произошедшего... – прошептал Дан. – Ты понимаешь, смена обстановки. Не беспокойся, Каралан, она будет говорить.

– Ты не видел ее взгляд, полный презрения, когда она видела в окно людей снаружи, – ответила та, прижимаясь щекой к рукам повелителя на своих плечах.

Дан невозмутимо пожал плечами.

– Она росла принцессой, помни об этом. Ей служили и подчинялись, это все пройдет, как только она поймет, что никто больше не станет прислуживать ей.

Кара хотела верить в это, однако прошло несколько месяцев, и с каждым днем она убеждалась в том, что Архелия была и остается высокорожденной принцессой, которая не способна снизойти до простых людей, окружающих ее. Она никогда не пыталась обратиться к игравшим в саду под деревьями ребятишкам, а проходя мимо них, одаривала их взглядом, выражавшим крайнее презрение. И она до сих пор не говорила.

Когда Кара особенно сильно докучала ей уговорами и призывами поиграть в новую игру с другими детьми, Хели взбрыкивала и с громким визгом убегала к дальним деревьям сада, по которым карабкалась на самую вершину и оттуда с удовлетворенным выражением лица наблюдала за Карой, которая сперва мягкими уговорами, а потом угрозами выпороть, пыталась спустить несносную девчонку на землю. Когда женщина выдыхалась, Хели спускалась с дерева и стремглав уносилась от нее, петляя, как заяц между невысокими, крепкими домами жителей крепости.

Стоило Архелии обнаружить деревянную, грубо сколо-

ченную лестницу на крышу, и у нее появилось новое развлечение – скакать по плоским крышам, перепрыгивая с одной на другую за счет узких проемов между домами. У Каралан появилась первая седина. Иногда, лежа в успокаивающих ее объятиях Дана, она спрашивала:

– Где принцесса могла научиться лазать по крышам?

Они смеялись с Даном над проделками девчонки, которая в это время мирно спала в соседней комнате, всегда запираемой на ночь.

Волосы Архелии благодаря стараниям Кары приобрели насыщенный темно-рыжий цвет, который, по мнению Дана, очень подходил темпераменту девочки. Кара же считала, что с огненной шевелюрой девчонку всегда легче отыскать, где бы она не спряталась. В Кандире уже знали Архелию, и, если видели ее одну, старались задержать разговорами, пока не подоспеет Кара. Жителей крепости умиляла девочка – приемная дочь Кары и Дана, и они относились к ней с должным снисхождением. Никто не собирался спрашивать, откуда на самом деле взялась Хели.

Когда пришло время познакомить девочку с Уманом – беловолосым старцем, которого Дан привез в Кандир много лет назад и который служил его библиотекарем и доверенным лицом, Кара сильно волновалась. До сих пор Архелию не смогли заинтересовать обычные детские игры, а с ее склонностями к опасным и неожиданным занятиям женщина всерьез опасалась за Умана, который производил впечатление

тонкой, сухой веточки, которую легко сломать.

Однако, впервые увидев Умана, Архелия застыла с разинутым ртом. Кара и Дан могли только гадать, что же настолько впечатлило девочку в этом благообразном старике, что она впервые в жизни не отвернулась от незнакомого человека, как она обычно это делала, а осталась стоять, глядя на него. Кара и Дан были глубоко поражены, когда Хели неожиданно поклонилась Уману, который с довольным видом потирал свою длинную белую бороду.

– Мудрец! – Архелия произнесла свое первое слово в Кандире совершенно четко, выговаривая все буквы.

Хели недовольно топнула ножкой, подлетела к своим приемным родителям и хлопнула обоих по коленям.

– Что это? – удивленно спросила Кара Умана.

– Она требует, чтобы вы поклонились мне, – рассмеялся тот.

Позже Уман объяснил свои догадки относительно необычного поведения рыжей бестии. При королевском дворце всегда были наставники – древние старики, единственным занятием которых был сбор знаний и передача его королевским отпрыскам. Принцам и принцессам с самого рождения прививали глубокое поклонение этим хранителям мудрости и не было ничего удивительного в том, что Хели сразу признала такого мудреца в Умане.

С этих пор Архелию было тяжело вытащить из огромной библиотеки Умана, в которой он был властителем, и где каж-

дая книга подчинялась ему. Уман увлекал бунтарку рассказами о дальних странах и сказочных существах, населяющих места, где не ступала нога человека. Он показывал ей карту мира вместе со всеми его белыми пятнами и Хели начала мечтать о том, что когда-нибудь именно она станет первооткрывательницей и принесет Уману карту, где не будет никаких белых пятен.

Девочка живо интересовалась описаниями великих сражений и рисунками оружия. Как-то, сравнив свои декоративные кинжальчики с рисунком настоящего оружия, она осталась очень довольна. Ее небольшие ножи были куда красивее каких-то грубых и некрасивых кинжалов «для взрослых». Она уже пыталась метать свои кинжалы в деревянные стены амбара в Нижнем городе и у нее ничего не получилось. Впрочем, она не огорчилась, так как никто не стал свидетелем ее неудачи. Кара же бросила попытки отнять у ребенка опасные игрушки, зато Дан был чрезвычайно доволен – ему нравился интерес девочки к оружию. Больше всего он опасался того, что Архелия станет «принцессой», интересующейся лишь платьями да развлечениями. Ни того, ни другого в Кандире с его дисциплиной не было, поэтому девочка довольствовалась тем, что имела.

Уман завоевал ее безраздельное почтение, и Кара часто прибегала к его помощи, чтобы уговорить Хели и призвать ее к порядку.

Пока Каралан и Уман занимались девочкой, Дан не пре-

кращал поиски любых упоминаний о таинственном Обряде, способном возродить дракона в носителе его крови. Сотни его агентов ежедневно пересекали пустыни, горы, леса, болота и реки в поисках каких-либо мало-мальски пригодных легенд, преданий и историй, способных стать началом ниточки. Шло время, Дан проверял любые сведения, добытые ему потом и кровью, но ничего из этого не подходило. Отчаиваясь, он стал приходить к мысли, что нужно проверить единственное место, в котором был шанс обнаружить искомое – цитадель Ахала. Ведь недаром Ахал с таким упорством двигался к своей цели – завоеванию Ирристрию, не мог же он действовать вслепую, в надежде, что ему повезет и ирристрианки сами вспорхнут к нему в руки драконицами... Ахал не был тем, кто не продумывает свои ходы. Если он решился, значит, у него были основания. И эти основания должны храниться непосредственно у него. Или у него в голове. Здесь Дан приходил в тупик. Что, если Ахал уничтожил любые упоминания об Обряде и теперь вся информация хранится в его голове?

За этими мыслями его часто заставляла Кара, пришедшая к нему докладывать об успехах Хели, которых, впрочем, было немного – она училась читать и писать и пока не научилась сносно делать ни то, ни другое. Еще меньше у нее получалось долго сидеть на одном месте, однако строгий взгляд Умана способствовал росту дисциплины в маленькой дикарке.

Лучше всего Архелии давались языки. Она уже немного

понимала оманский и тивокский – сумбурный язык буйного населения Бывшего Тевкрета.

Рассказывая ей истории разных стран, Уман старался по-реже и в общих чертах упоминать Туран. Слушая, как наемные убийцы с другого континента убили прекрасных принцесс, Архелия пылала негодованием и грозилась приплыть в Оман и перебить их всех.

С каждым днем она все меньше вспоминала о том, как была принцессой, но не могла взять в толк, кто же она тогда.

Она видела смуглых, черноволосых детишек Кандира и их родителей и понимала, что она другая. Взрослые хорошо относились к ней, иногда угощали печеньем или фруктами, но дети обзывали ее степной лисицей – хитрым, жадным и побирающимся животным, и она злилась на них.

Еще больше она злилась, когда приставленный к ней наставник боевых искусств по имени Тагир пытался заставить ее долго сидеть, прислонившись спиной к нагретой от солнца стене. Он учил ее по детской программе разработки гибкости и координации.

Тагир выглядел также, как все остальные жители крепости – высокий, смуглый и черноволосый. Все они, мужчины Кандира, были очень коротко стрижены – их волосы таким ежиком торчали на коричневой голове. Хели не доверяла Тагиру, хоть он и хорошо относился к ней. Ему не нравились ее кинжалы, и он каждый день говорил ей, что у настоящего убийцы должно быть самое неприметное оружие, какое

только может быть. Он показывал ей свой клинок длиной с локоть, тонкий, из матовой стали и такой тонкий и острый, что он по рукоять уходил в жесткую, иссушенную зноем землю, если его бросить острием вниз.

Тагир также пытался пресекать все попытки девочки «играть» с оружием. Стоило ему заметить, как она метает кинжалы в яблоки, сбивая их на землю, как он отбирал оружие на весь день и наказывал ее, вручая ей длинный и совершенно неподъемный деревянный меч, заставляя тренироваться на нем. Хели злилась и махала им как дубинкой, получая синяки от такого же деревянного меча в руках Тагира.

– Ты хочешь стать воином?! – кричал ее тренер.

– Я хочу стать королевой! – кричала в ответ девочка.

В докладах Дану об успехах Архелии, Тагир ничего не скрывал. Успехов не было. Выслушивая своего верного бойца, Дан закрывал глаза рукой. Его подопечная постоянно пыталась увильнуть от тренировок. Она воровала еду, с мешком на голове проникая в столовую к поварихам, которые смеялись над ней и подкидывали ей булок. После этого она, виляя как заяц между стражниками, которые пытались поймать ее, стремглав уносилась на крыши.

Маленький незнакомец

На плоских, пышущих жаром крышах она впервые увидела мальчика, который, спрятавшись за дымоход, наблюдал за ней. Задумчиво жуя булку с сушеными персиками, Хели смотрела на него, пока он не догадался, что она его видит.

– Это моя крыша, пошел прочь отсюда! – крикнула она ему и из ее набитого рта посыпались крошки.

– Крыши ничейные, – возразил мальчик, не желая показываться.

– Все крыши мои! А ну покажись!

Мальчик высунул голову и уставился на хлеб, который она жевала. Выглядел мальчишка как типичный житель Кандира – худощавый, смуглый, с жесткими черными волосами и такими темными карими глазами, что этот цвет уходил в черноту. Хели сразу же отметила отличие этого коричневого оттенка от оттенка глаз ее матери – у той глаза были скорее темного медового цвета.

– Хочешь? – ухмыльнулась девочка.

Незнакомец явно был голоден. Архелии и в голову не приходило задуматься о том, чем питаются прочие жители Кандира, ведь у нее самой никогда не было недостатка еды.

– Если победишь меня, я дам тебе хлеб, – Хели отломил маленький кусочек и кинула мальчику, который не тронулся с места.

Мальчик так долго изучающее смотрел на нее, что ей стало неуютно. Чего ему нужно?

– Ты, верно, шутишь? – вдруг засмеялся он. – Ты против меня? Ты же девчонка!

– У меня есть клинки! – она хвастливо показала ему на кинжалы у себя за поясом.

– У меня их нет, но я одолею тебя голыми руками.

– Судя по тому, какой ты черный, ты наверно улицы целый день подметаешь? – нахально отозвалась та, однако мальчик и глазом не моргнул.

– Атакуй меня, – он вышел из тени дымохода и разве руки в сторону, демонстрируя отсутствие оружия. Из всей одежды на нем были лишь холщовые штаны, подвязанные на лодыжках и поясе.

Архелии стоило насторожиться уже когда она отметила подтянутую фигуру мальчика с рельефным животом, однако бывшая принцесса редко прислушивалась к голосу разума. Она считала, что уроков Тагира ей уже достаточно и собиралась доказать это.

Крыша была слегка покатой и раскаленной от солнца. Хели это не беспокоило, так как на ней были сандалии, но мальчик был бос.

Мальчик показался Хели простым соперником, нечета Тагиру, и она решила воспользоваться лишь одним клинком.

– До первой крови? – крикнула она ему, но тот равнодушно пожал плечами. Это ее лишь сильнее рассердило, и она

стрелой бросилась на беззащитного мальчика.

Но мальчик двигался быстро, как ветер, и тихо, как тень. Именно так, как пытался учить ее Тагир. За одно мгновение Хели оказалась прижатой животом к крыше с вывернутыми на спину руками. Оба клинка были отброшены. Незнакомец, оказавшийся выше ее на полголовы, спокойно восседал на ее спине, одной рукой удерживая обе ее руки, а второй задрал ее голову за волосы.

– Отпусти, – прохрипела Хели, чувствуя, как крыша обжигает ей кожу сквозь одежду.

– До первой крови? – поинтересовался тот, отпустив ее голову и потянувшись за кинжалом.

– Нет! – испугалась та, ударившись подбородком о раскаленный камень крыши.

– Не шути с оружием, – бросил мальчик и поднялся.

Скрипя зубами от злости, Хели вскочила и подобрала свои клинки. Мальчик же поднял хлеб и направился прочь от нее.

Гнев волной поднялся в ней, затмив последние отголоски разума и она снова бросилась на него. Он, словно ожидая этого, резко развернулся и оттолкнул девочку, которая по инерции полетела к краю крыши. В ту же секунду маска невозмутимости незнакомца разлетелась на куски. Он испуганно бросился за ней и успел ухватить уже у края крыши, под которой слышались голоса. Но Хели, отчаянно борясь с ним, только мешала. Схватившись друг за друга, они пока-

тились к краю и рухнули с него. В последнюю секунду мальчик успел развернуть ее так, что она упала прямо на него.

Здесь было невысоко – два этажа, однако падение на твердую, вытопанную дорогу выбило из мальчика дух и на мгновение он потерял сознание, из-за чего сразу же получил скользящий удар клинком в основание шеи.

Перепуганные горожане стащили с него вопящую и брыкающуюся Хели, которая по своему обыкновению в минуты гнева переставала руководствоваться разумом.

Наказание

Дан выглядел усталым. Хели подошла к нему и, встав на одно колено, поцеловала подставленную руку. Затем, не поднимая головы, отошла на несколько шагов.

– Салар, законы Кандира писаны для всех и даже собаки подчиняются ему! – прогрохотал он.

Хели сжала губы. Она ненавидела, когда ее отчитывали.

– Сегодня во имя своей независимости ты едва не убила человека и твое наказание будет соответствовать тяжести проступка.

Хели увидела, как Кара в ужасе закрыла рот рукой, чтобы не закричать.

– Пять ударов плетью, – Дан кивнул страже и те направились к девочке.

Кара знала, что ничем не сможет помочь девочке. Закон есть закон, и в Кандире даже дети судились наравне со взрослыми. Дан считал, что воспитывать дисциплину нужно с самого детства и был прав. Единственное, о чем она хотела попросить Дана – чтобы Хели наказывали не на общей площади, а в самом замке, чтобы избежать лишних взглядов – Хели будет трудно вынести такое унижение, тем более на глазах людей, которым она могла успеть насолить.

Дан полностью согласился с ней, но вовсе не потому, что хотел пощадить чувства приемной дочери, а с целью не уро-

нить ее в глазах других жителей.

Был дан приказ не откладывать порку, а привести ее в исполнение немедленно, и Хели потащили на задний двор. Раньше ей нравилось это заросшее деревьями место, так как здесь редко бывали люди, но теперь сквозь пелену злости это безобидное место показалось ей самым ненавистным куском земли в мире.

С Хели не стали срывать рубашку, чтобы оголить спину, ибо подобное обращение с женщиной каралось куда серьезнее, чем покушение Хели на жизнь мальчишки. Девочку поставили у столба, не решившись привязать ее – впрочем, гордая Хели никогда бы не сбежала. Стражник, которому поручили пороть девочку, с жалостью посмотрел на худенькую спину, от которой вскоре останутся только кровавые лохмотья кожи, но при всей своей жалости к гордой, но глупой девчонке, мужчина не осмеливался нарушить приказ главы – своя собственная жизнь была куда дороже. Он утешился лишь тем, что Хели не попала в руки настоящего палача, который приводил приговоры в исполнение на главной площади Кандира. У того "зверя", как его называли жители крепости, руки были по локоть в крови и ему ничего не стоило бы одним ударом плети сломать четырнадцатилетней девчонке хребет.

Поэтому стражник только вздохнул, взмахивая плетью.

Пять ударов плетью... по щекам Кары текли слезы, когда она смотрела на порку своей любимицы. Это слишком много

для ребенка и, хотя было видно, что палач жалеет девочку и старается наносить как можно более слабые удары, Хели упала на колени уже на втором ударе, к четвертому она села, обхватив руками колени и стараясь не издать ни звука. Ее волосы растрепались и закрыли лицо, так что Кара не могла его видеть.

Когда Хели внесли во врачебный кабинет Умана, девочка была без сознания. Уман засуетился, как только увидел знакомые рыжие волосы – постелил на большой стол чистую белую материю, приказал принести таз теплой воды и принялся доставать свои склянки с зельями.

– Порка? – спокойно спросил он у Кары, разрезая рубашку на спине девочки.

– Да, хотела убить мальчишку, – всхлипнула та.

Уман принялся аккуратно протирать мокрой тканью истерзанную спину Хели.

– Как ты считаешь, что будет дальше? – тихо спросила Каралан.

Старый мудрец нахмурился. Кара встревожено смотрела на него, зная, что догадки и просто предположения этого ученого человека часто сбывались.

– Салар ищет себя, – тихо сказал он. – И она не найдет себя в этих стенах. Она словно пустынная волчица жаждет свободы и простора, не желая подчиняться уставам, смысла которых не понимает. Когда-нибудь, когда она вырастет и наберется опыта, она изменится и успокоится, но не сейчас.

Из-под рыжей копны волос раздался тихий стон. Кара подскочила к девочке с приготовленным заранее обезблывающим отваром. Она помогла ей сделать пару глотков, успев заметить злые слезы на ее щеках. В глазах принцессы была лишь жгучая ненависть. Она попыталась оттолкнуть Умана и Кару, но лишь обессилено ткнулась лбом в стол.

– Я уйду, – задыхаясь от злости, проговорила Хели.

– Что? Нет, не вздумай, – прервала ее Кара.

– Я знаю, мне нужно уйти...

Уман нахмурился и бросил взгляд на Каралан.

– Твой дом здесь, ты не можешь уйти, – возразил старик.

– Это не мой дом... мне нужно уйти. Я знаю дорогу...

– Куда тебе нужно уйти?

– Там гора и.. там холодно, там меня ждут.

Кара округлила глаза и уставилась на Умана, тот лишь улыбнулся и покачал головой:

– Спи, милая, спи, – он погладил Хели по голове, и девочка мгновенно уснула.

– О чем она говорила? – взмолилась Кара, рассчитывая на ученость собеседника.

– Это всего лишь бред, вызванный снотворным. Вероятно, она говорила о горах Беррена, – старик задумчиво почесал подбородок. – Я не так давно рассказывал ей о Берренском массиве.

Кара вымученно вздохнула и опустилась на деревянный стул.

– Дан не говорит мне, когда он собирается рассказать Салар о том, кто она. Это беспокоит меня. Чем старше она становится, тем меньше шансов, что она простит ему такой обман.

– Каралан, дети отходчивы, – ответил Уман, осторожно накладывая обеззараживающую мазь на поврежденную кожу. – Погляди-ка, Харб пощадил девчонку.

– Как бы его не наказали за это, – нахмурилась та.

– Ты слишком сурова к нашему повелителю. Он любит Салар.

– Ошибаешься, – резко ответила женщина, поднявшись со стула. – Он был бы рад избавиться от нее. Из-за давних клятв он подвергает риску себя и весь Кандир. Лучше бы он нашел какого-нибудь ирристрианского бастарда и усадил бы его задницу на трон.

– Народ не примет бастарда на троне, – заметил Уман.

– Разумеется, ведь куда лучше отдавать своих прекрасных и невинных туранских девиц в постельных рабынь дикарям Ахала! – Каралан всплеснула руками и стремительно покинула комнату.

В попытках унять слезы, Кара направилась в покои, которые делила со своим покровителем. Она от всей души надеялась, что его там не будет, однако, Дан был там. Он лежал на кровати, задумчиво рассматривая пергамент с нарисованным драконом, который держал в руках.

– Иди сюда, – сказал он Каре, не поднимая взгляда.

У нее не было настроения убаживать его, однако, она не могла не подчиниться. Поджав губы, она забралась на кровать и легла рядом с ним, спрятав лицо в своих волосах.

– Ты расстроена, – сказал он, констатируя факт.

– Девочка теперь долго не встанет с постели, – пробормотала та.

– Девочка заслужила это, и я запрещаю тебе хандрить из-за этого, – он бросил свой пергамент и повернулся к ней, взяв ее лицо за подбородок и вынудив поднять глаза к нему.

– Она мне словно дочь, – всхлипнула Кара.

– Она тебе не дочь и никогда ею не станет. Не заблуждайся по этому поводу.

От этих слов Каралан едва не разрыдалась. Дан ошибался, она уже привязалась к девочке, считала ее своей приемной дочерью и теперь даже мысли не допускала о том, что им когда-нибудь придется расстаться.

– Она высокородная принцесса, а ты... – он не договорил, позволяя ей самой сказать это.

– ... шлюха, – по щекам женщины потекли горячие слезы.

– Ты хорошо помнишь, почему ты тут оказалась? – в холодных серых глазах Дана не было и намека на сочувствие. Та кивнула. – Скажи это!

– Мне не было равных в убаживании мужчин, – пробормотала она.

– А еще почему?

– Я была самой красивой шлюхой Тивока.

– Его экзотическим цветком, – прошептал он ей на ухо. – Цветы – хрупкая вещь, ты помнишь это? Ты должна помнить все, кроме своего старого имени. Его я позволил тебе забыть. А теперь раздвигай ноги.

Шаманка

Хели сидела на крыше одного из самых высоких домов Кандира. Скрестив ноги, она смотрела вдаль – отсюда высокие стены крепости уже не мешали обзору.

Она видела этот пейзаж тысячу раз, проводя здесь часы своей, по ее мнению, скучнейшей жизни. Впереди была лишь голая степь с редкими кустиками полусухой растительности. Степь простиралась так далеко, что линия горизонта была размытой – далее, судя по картам, находились горы, закрытые от взгляда желтым маревом. Если бы Хели оглянулась, то увидела бы только голые скалы, в которых наполовину был скрыт Кандир. Она никогда не ходила в горную часть крепости, ибо не выносила камня над головой и не могла понять, как можно жить, когда над тобой нависает гора.

Ей было интересно, что там – за линией горизонта. Старик Уман, конечно, рассказывал ей и даже показывал на картах географию региона, но это было и на толику не так интересно, как самой побывать там. От Умана она узнала о существовании страны под названием Утмас, которой правил жестокий царь Ахал. Но также она знала, что в стране Ахала скрыты самые чудесные и редкие вещи, которые только видел этот свет.

Это донельзя интриговало ее. В старых книгах она читала о диковинных местах, существах и артефактах, но Уман

всегда говорил, что все это либо уничтожено Ахалом, либо захвачено им, либо попросту исчезло много сотен лет назад. В какой-то момент ее заинтересовала история первой разразившейся на этом свете магической войны.

Девочка сморщила лоб и почесала висок, пытаясь вспомнить облик участников той войны, который она увидела на древних рисунках. Существа, похожие на людей, но не имеющие глаз, которые им были не нужны, ибо Безглазые пользовались магией, чтобы видеть и чувствовать весь окружающий мир гораздо глубже и тоньше, чем кто-либо другой. Безглазые были высокими и физически совершенно неразвитыми, ибо это им было ни к чему – магия помогала им защищать себя, а также добывать пищу и строить дома.

Второй стороной в войне были драконы – при мысли о них Хели крепко зажмурилась и почувствовала, как по спине пробежала восхитительная дрожь. Огромные, величественные драконы видели зарю мира и были самым воплощением магии, питающей этот мир.

Но Хели тут же погрустнела – драконы вымерли. Она попробовала представить, каково это – убивать мудрое, древнее существо и едва не заплакала от невыразимой тоски, охватившей ее. Как можно уничтожить таких прекрасных существ с огромными крыльями, которые переносили их на тысячи километров!

Девочка снова подняла глаза на степь. Она представила, как у нее выросли огромные крылья и она, соскользнув с

крыши, воспарила бы к небесам и унеслась далеко отсюда. Может быть даже в Утмас.

Хели вздохнула и, достав из ножен свой маленький кинжал, принялась его острием усердно карябать на глинистой крыше дома изображение дракона.

– Салар! – вдруг раздался голос за пару домов отсюда.

Хели вздохнула и, убрав кинжал, как ветер понеслась по крышам к Каре, которая звала ее.

– Что? – спросила она, свесив рыжую голову с крыши прямо над своей приемной матерью.

– Спускайся. Время идти к шаманке.

Хели обрадовалась – наконец-то в ее жизни произойдет что-то волшебное, например, встреча с шаманкой, умевшей говорить с ветрами и встречу с которой ей так долго обещали.

– Сейчас ты переоденешься, и я заново заплету твою косу, – говорила Кара по дороге в замок.

Хели не возражала, когда на нее напялили непонятное серое платье в пол – ради долгожданной встречи можно и потерпеть, хотя обычные льняные штаны были куда удобнее.

Кара туго заплела ей косу и постаралась, чтобы каждый волосок лежал на своем месте, а не топорщился сам по себе как обычно. Хели заметила, что и Дан готовится ко встрече, с нервным видом заглядывая в комнату, где Каралан готовила подопечную.

– Посмотри, что с тобой сделало солнце, – упрекнула де-

вочку Кара и указала в зеркало прямо перед носом Хели. Та в который раз бросила взгляд на себя и не поняла в чем причина недовольства Кары.

– У меня такая же темная кожа как у всех, – возразила она.

Архелия почувствовала, как Кара позади нее украдкой вздохнула.

– Да, ты права.

В следующие десять минут Хели была вынуждена соблюдать весь порядок официальной церемонии приветствия старой, сухой и тощей как палка шаманки. Все это время девочка тайком бросала взгляды на нее и на притащенную ею такую же тощую девочку в темной тунике и с взлохмаченными черными волосами. Она неволей сравнила себя с этой девочкой – Хели рядом с ней выглядела неприлично пухлой, хотя всего лишь имела крепкое телосложение без намека на мягкость и изнеженность.

Ни шаманка, ни ее питомица не обращали на Хели никакого внимания, пока Дан сам не обратил их взгляды на принцессу. Шаманка при этом цокнула языком и плюхнулась на подушки, приготовленные для традиционного чаепития за большим, но низким столиком. Несмотря на то, что на столе было выставлено множество угощений, которые, как была уверена Хели, ни шаманка, ни девчонка и в глаза не видели, те не притронулись ни к чему, кроме травяного чая.

– Шойо-ани, я с нетерпением жду твоих слов, – сказал Дан.

Хели бросила взгляд на старуху, дивясь при этом ее странному имени.

– Пфф, – та в ответ только фыркнула и замахала когтистой рукой в сторону Архелии. – Глупости. В девочке нет магии! – старуха едва не подавилась своим смехом.

Дан напрягся.

– Что это значит?

– Что твоим замыслам не суждено осуществиться! Ветра донесли мне шепот страниц, которые ты хотел прочесть. Так вот – не стать твоей лисице Азернаваллой!

– Ты смеешься надо мной?! – разъярился Дан, вскакивая из-за стола.

Он быстро подошел к старухе, схватил ее за руку и потащил в свой кабинет, дверь которого вскоре громко захлопнулась, отчего три оставшиеся женщины вздрогнули.

– Кхм, – Каралан попробовала прервать гробовое молчание, воцарившееся за столом после ухода Дана. – Шойо, почему ты ничего не ешь? – спросила она у девочки, сидевшей напротив Хели.

– Нельзя, – удивленно сказала она, вытаращив на Кару свои огромные раскосые глаза, которые сильно выделялись на ее худом и скуластом лице.

Хели разочарованно вздохнула. Обещанная встреча с шаманкой оказалась вовсе неинтересной. Ей тут же захотелось снова уйти на крышу и погрузиться в свои фантазии. От скуки она принялась давить подсохшие крошки хлеба на скатер-

ти. Через несколько секунд она почувствовала на себе пристальный взгляд незнакомки и вызывающе подняла на нее глаза.

– Если не будешь есть – исхудаете и умрете, – сказала Хели.

– Я ем другую еду.

– А эта тебе не по нутру?

– Нам нельзя, – все это Шойо говорила, не отводя глаз от Хели, чему та несколько удивилась – обычно люди скоро отводили взгляд, но эта Шойо словно бросала ей вызов. Хели знала, что взгляд "глаза в глаза" у животных означал вызов. Архелия бросила вызов маленькой шаманке, и та приняла его.

– Съешь, – она взяла гроздь крупного, сочного винограда и протянула его Шойо. Та лишь молча покачала головой. – Возьми, ты ведь знаешь, отказ – это невежливо.

– Салар, – Кара попыталась уговорить Хели, – шаманкам нельзя обычную еду, всю жизнь они должны придерживаться строгого поста. С твоей стороны невежливо настаивать на том, чтобы она нарушила один из заветов своей жизни.

Хели разочарованно бросила виноград на блюдо.

– Она тощая, как старая кобыла кузнеца. Того гляди и сдохнет.

Шойо не отреагировала на этот выпад, глядя сквозь Хели.

– Не смей оскорблять ее! – взвилась Каралан. – Ты невыносима! Шаманки всеми почитаемы – они приносят свою

жизнь в жертву ради знания, которым делятся с людьми, и ты обязана относиться к ним с почтением! Немедленно попроси у нее прощения.

Хели снова почувствовала поднимающуюся в ней волну гнева. Она сжала кулаки и впилась взглядом в Шойо.

– Простите меня, шаманка, – едко сказала она, по-охотничьи сощутив глаза и слегка оскалившись. Такое выражение лица она переняла от пустынных кошек, которые злобно скалились из своих клеток на базаре Кандира.

– Ничего страшного. Мне твоя дерзость нипочем, ты вредишь лишь себе, – в этот момент Хели готова была поклясться, что увидела ухмылку на губах невозмутимой Шойо.

В этот момент в комнату ворвался Дан, за ним ковыляла явно довольная старуха, которая тут же схватила Шойо за руку и потащила прочь.

А Дан подошел к Хели и отвесил ей звонкую пощечину, отчего девочка опрокинулась на пол.

– Ты дерзила шаманке?! – он громко кричал, но оглушенная девочка даже не поняла, что он сказал. – Маленькая дрянь! – он схватил Архелию за одежду и приподнял над землей, попутно встряхнув, чтобы волосы не закрывали ее лица.

– Дан, – прошептала перепуганная Кара, однако тот ее не услышал.

– Ты тварь, которая словно гнойник на теле Кандира. Мое безграничное терпение кончилось, теперь ты будешь воспи-

тываться по-другому! – ошеломленная Хели попыталась потереть щеку, но Дан швырнул ее на подушки как котенка. – С этого дня живешь в бараках вместе с остальными бойцами. Ты будешь тренироваться вместе с ними!

– Дан, это безумие! – закричала Кара, подбегая к нему.

– Это мое последнее слово! – прогрехотал мужчина. – С этого дня ты будешь видеть Салар раз в неделю, когда будешь приносить ей отвар для волос.

Дан резко развернулся и, широко шагая, ушел в свой кабинет и захлопнул дверь.

Каралан, громко зарыдав, бросилась к Хели и крепко обняла ее. Девочка почувствовала, как ее густые волосы пропитываются слезами матери.

– О, Салар, прости, я не смогла защитить тебя...

Хели отупело гладила Кару по волосам и размышляла о ситуации, в которую ее бросила судьба.

Она не раз видела изматывающие тренировки мужчин, мечтавших стать Тихими Убийцами. Целыми днями их морили голодом, оставив почти голышом под палящим солнцем или, напротив, под проливными дождями, после которых часть претендентов просто умирала. Со своих жестких деревянных постелей, укрытых лишь тонким слоем льна, они вставали задолго до того, как взойдет солнце и под хмурым холодным небом совершали длительные пробежки от одной горной крепости к другой. Пробежка заключалась в преодолении препятствий в горных серпантинах. Порой пе-

репад высоты там доходил до того, что человек, преодолев один круг, падал без сознания от нехватки кислорода. При поиске пищи мужчин заставляли соревноваться в ловкости с горными козлами.

Здесь обычные игры Хели с кинжалом и яблоками не пройдут. Ей придется добывать пищу наравне со всеми на крутых склонах гор, где дуют ветра, способные попросту сбить девочку с земли.

Но не это пугало ее больше всего. Ее сердце замерло при мысли об отборочных боях, в которых, само собой, побеждали лучшие. Судил бойцов при этом Дан, он мог помиловать и принять в ряды ордена проигравшего бойца, который произвел на него впечатление. Прошедшие бои проходят испытание на маскировку и... театральное испытание. Идеальный Тихий Убийца, по мнению Дана, ни при каких условиях не должен выдать себя и в этом заключалось его мастерство игры.

Прошедшие и это получали свое первое задание, и оно отнюдь не было простым. Дан, отслеживавший качество бойцов на всех этапах, мог дать задание в соответствии со слабыми сторонами человека. Прошедшие первое задание посвящались в орден.

Архелия не могла взять в толк – неужели отец собирается сделать из нее профессиональную убийцу-женщину? Неслыханное дело! Она потрясла головой, отгоняя видения своих боев с мужчинами – ей никогда не одолеть натасканного, му-

скулистого бойца. А это могло значить только одно – отец хочет ее смерти.

Наивная принцесса даже не подумала о том, что она может не пройти испытания еще до того, как ее допустят до боев. Но Кару здесь пугало даже это – она и подумать не могла о том, что Хели доживет до боев. Это означало, что Архелии осталось жить еще год, максимум два. Поэтому женщина была безутешна. Она крыла Дана последними словами, даже такими, каких Хели не слышала, а потому их значения не знала.

Прошло довольно много времени, прежде чем Кара успокоилась, и все это время Хели гладила ее по голове, не зная какими словами может ее утешить.

Наконец Каралан оторвалась от девочки и, пытаясь пригладить свои растрепавшиеся волосы, сказала:

– Пойдем, я попробую научить тебя... – она всхлипнула и Хели увидела ее красные, опухшие глаза. На ее памяти мать еще никогда так плохо не выглядела.

Чему Кара может научить ее? Красить глаза?

Они направились в покои Каралан, минуя безмолвных стражей, стоявших как каменные истуканы. Хели помнила, как не раз дразнила их в попытках согнать эту невозмутимую маску с их лиц. Но теперь она даже не обращала на них внимания. Девочка была серьезна как никогда – перед ней маячила серьезная перспектива не дожить до следующего месяца.

Дверей в покоях Кары не было – Дан считал, что они к чему. Женщина усадила Хели на пышную кровать и поспешно затараторила:

– Законы Кандира таковы, что мужчина не смеет тронуть женщину без ее согласия. Поэтому я не стану переживать, что тебя кто-то... – она снова всхлипнула, но тут же взяла себя в руки. – Но ты – девочка и тебя всегда будут окружать те, кто сильнее и старше тебя. Нечего и думать тягаться с ними. Поэтому все, что ты должна делать, это пользоваться тем, что ты – будущая женщина, способная вскружить голову. Ты понимаешь, о чем я?

Хели помотала головой.

– Природа мужчин такова, что им всегда нужно кого-то защищать. Пришедшие сюда, в Кандир, потеряли все, иначе им и в голову не пришло бы бросать свою жизнь на плаху ордена. Ты ведь знаешь, не все Тихие Убийцы возвращаются с заданий. Они вступают в орден, потому что им нечего терять. Но теперь они обретут смысл своей никчемной жизни в твоей защите.

Хели удивленно распахнула глаза. О чем таком толкует Кара? Дружить со взрослыми, странными и непонятными мужчинами?

– Салар, чтобы выжить, ты должна пользоваться помощью окружающих, а если ее нет – то просить! Ты не проживешь и пары дней в тех условиях, куда кидает их Дан по своей прихоти, поэтому ты должна найти себе друзей, покровителей,

защитников, кого угодно. Тех, кто поможет тебе выжить, ты поняла меня?

Шокированная такими наставлениями, Хели молчала.

– Ты поняла меня?! – закричала Кара, встряхнув девочку за плечи.

Наставления Кары были как раз тем, что Архелия даже при большой необходимости не смогла бы сделать. У нее не было ни одного друга в Кандире, и она считала ниже своего достоинства заводить знакомства с простыми людьми. Даже со своим тренером Тагиром она была немногословна. Единственный человек, которого она уважала – был Уман. Даже положение Каралан она считала унижительным и скорей бы умерла, чем позволила себе стать бесправной наложницей. Нет, она лучше умрет, быстро и без мук, чем подчинится Дану в его, как она считала, жестоких играх. Куда ей было знать о политике, о жизни простых людей Кандира и за его пределами, если она собственноручно ограничила количество людей в своей жизни.

Но теперь Дан поставил ей негласное условие – или умереть при попытке сохранить хотя бы видимость своей независимости, или выжить, полностью поменяв свое отношение к жизни. Хели не знала, что лучше. С одной стороны, ей хотелось выжить и когда-нибудь выйти за пределы стен Кандира. С другой – она ненавидела саму мысль о том, что кто-то может поставить ей столь жесткие рамки.

– Ты должна пользоваться тем, что ты слаба. Но ты долж-

на быть хитра, как степная лисица. Никогда не ввязывайся в открытый поединок, а если тебя решили во что бы то ни стало убить, убегай. Не можешь – ищи помощь. Позже, ты сможешь дать отпор за счет своей ловкости. Мужчины всегда бьют сильно и руками не машут, не давай им достать себя. Уворачивайся как змея, просачивайся сквозь пальцы, будь маленькой и юркой и тогда никто не сможет нанести тебе удар. Всегда, при любых обстоятельствах, надевай полную броню. Ты увидишь, что большинство мужчин почти ничего не носят в жару, но пусть с тебя сойдут семь потов, чем тебя поразит внезапная стрела. Ты маленькая и стройная, издали в тебя сложно попасть, поэтому целиться будут в грудь, пусть она будет полностью защищена. Ближний бой ты не должна допускать ни при каких обстоятельствах. И никогда никому до конца не доверяй, в какой бы верности тебе не клялись. Если тебе понадобится убить..

– Я знаю, – тихо сказала Хели. – Тагир учил меня. И Уман рассказывал о болевых точках, ядах..

– Не забывай ни слова из того, что они говорили тебе, это может спасти твою жизнь.

Казалось, Каралан выплакала все слезы, поэтому, когда она начала готовить Хели к переезду в общие бараки, на ее лице лишь застыла невыразимая печаль.

Она очень коротко обрезала волосы Хели, так, что те стали торчать смешным ежиком – девочке было очень непривычно без волос, которые всегда тяжело спадали на ее спину.

– Тебе нужно будет всю жизнь красить волосы тем отваром, который я учила тебя готовить, – монотонно говорила Кара, сознавая, что "вся жизнь" Хели вряд ли продлиться дольше месяца. – Старайся, чтобы твоя голова всегда была накрыта, и чем более плотный слой ткани, тем лучше. В горах чего только не бывает, и твоя голова должна быть хорошо защищена от случайных камней... Пусть и устроят тебе сотрясение, но череп не проломят. Всегда надевай плотную одежду и берегись солнца. Я буду просить отца, чтобы он позволил тебе иметь твое собственное оружие, а не те мотыги, что выдадут в казармах. Он не осмелится отобрать у тебя последнюю надежду на выживание.

Бараки нижнего города

В этот же вечер стражники отвели девочку в общие бараки. Они нарочно шли медленно, с жалостью поглядывая на принцессу, которая теперь стала похожа на обычного смуглого мальчика, каких в Кандире было множество. Никто из встречных не узнавал ее без обычной прически.

Общие бараки были совершенно непохожи на внутренние комнаты замка. До Хели начала доходить тяжесть ситуации. Барак представлял собой трехэтажное здание со сквозной винтовой лестницей, объединяющей этажи. Окон не было – слишком большая роскошь. Все три этажа были уставлены однотипными невысокими деревянными кроватями, укрытыми тонкими слоями ткани, подразумевающими простыню и одеяло. Подушек не было. Не было стен, которые делили бы дом на комнаты. Хели с ужасом смотрела на огромное количество кроватей, среди которых была и одна ее. Она в ступоре стояла у входа, сознавая, что теперь она будет жить среди мужчин, ничем от них не отгороженная.

Девочка почувствовала горячие слезы злости на своих щеках. Ну и пусть! Она сделает все, чтобы выжить, стать сильнее и сбежать из проклятого Кандира. Тем более что она никому здесь не нужна, если с ней так обращаются.

Она быстрыми шагами пересекла этаж и остановилась у самой крайней кровати, которая выглядела так жалко, что

Хели яростно бросила на нее узелок со своими вещами.

– Довольны?! – заорала она, оборачиваясь к ни в чем не повинным стражникам. – Передавайте отцу, чтобы катился в преисподнюю!

Мужчины даже вздрогнули от перспективы передачи Данау этих слов. Молча поклонившись на прощание (хоть и не было положено), они удалились, закрыв дверь.

Архелия села на кровать и затряслась от безудержных рыданий, наконец вырвавшихся из нее. Отчаяние, ненависть и бессильная злость кипели в ней, словно в адском котле. Чтобы хоть как-то высвободить злость, она с силой ударила кулаком по деревянной стене, ободрав кожу и получив несколько заноз. Всхлипывая, Хели попыталась вытащить их, но руки тряслись так, что ни о каких занозах речи и быть не могло. Она уперлась руками в кровать, чтобы унять дрожь. Она должна быть сильной. Скоро сюда придут обитатели барака, и она ни в коем случае не должна показывать свою слабость, что бы там ни говорила Каралан. Хели вообще ничего не должна им показывать, в том числе и свое лицо.

Девочка легла на кровать, упершись носом в стену и обняв колени. Она вспомнила про свое оружие, которое Кара вымолила у Дана и решила вынуть его. Небольшой лук из потрясающе гибкого дерева, растущего далеко за пределами степи, острые стрелы с зазубренными наконечниками из легкого каленого металла. Два маленьких метательных кинжала изысканной работы. И еще два побольше – для ближне-

го боя. Кинжалы выглядели потрясающе даже без камней. Единственным их декором были изящные завитки, овивающие рукоять и переходящие на лезвие. Когда-то Дан в порыве великодушия велел изготовить для Архелии ее именные клинки, имеющие общие детали декора. Больше таких клинков ни у кого не было.

Хели упрятала клинки в одежду, а лук и стрелы завернула обратно в ткань, затолкала под кровать и стала дожидаться соседей, разглядывая древесный узор на стенах. Ждать пришлось долго, и девочка уснула.

Разбудил ее грохот входных дверей и мгновенно заполнивший помещение шум и вместе с ним терпкий запах пота. Она свернулась калачиком и попыталась быть как можно более незаметной, но рано или поздно ее обнаружили обитатели соседних кроватей.

– Ба-а, – протянул огромный мужчина с обнаженной, волосатой грудью. – Гляньте, щенок. Ты что тут делаешь? – он попытался обернуть Хели за плечо, но та сопротивлялась, пряча лицо. Мужчина применил силу и в итоге Хели оказалась висячей, словно куль с мукой. Мужчина без особого труда держал ее за шкурку на вытянутой руке, а второй пытался поднять ей подбородок, чтобы разглядеть лицо.

Когда ему это удалось, вокруг них уже собралась приличная толпа желающих увидеть лицо незадачливого новичка. Архелия, нахмурившись, возмущенно смотрела беспардонному незнакомцу прямо в глаза. Тот тихо ойкнул и отпустил

девочку, которая свалилась на пол.

Мужчина отшатнулся.

– Салар, – тихо сказал он.

– Чего ты мелешь! – отозвался другой из толпы. – Это не может быть Салар...

В этот момент Хели подняла к ним глаза, и они смогли разглядеть явный лазурный оттенок ее зрачков, настолько редкий в этих краях, что волей судьбы единственной владелицей голубых глаз в Кандире была Архелия.

В бараке повисла нехарактерная для этого обиталища тишина. Привлеченные необычной тишиной, с верхних этажей стали спускаться другие, спрашивая, что происходит. А толпа стояла, окружив Хели полукругом и тупо смотрела на девочку, не зная, что с ней делать.

– Почему она тут? – поинтересовался кто-то из разношерстной толпы.

– Эй, Салар, ты что, будешь тут жить? – мужчина присел, чтобы находиться на уровне Хели, ибо был выше ее в два раза. Та кивнула. Мужчина со скрежетом почесал щетину на подбородке и задал единственный пришедший ему в голову вопрос. – А почему?

– Меня отправили сюда, – тихо сказала Хели, робея перед такой толпой здоровенных мужчин. – Я... я буду тренироваться с вами.

– Шутит, что ли? – снова раздался голос из толпы.

В наступившей тишине можно было расслышать скрип

мыслей мужчин, которые задавались одним вопросом "почему?". Ни один из них не решился высказать мыслей по поводу странного поступка Дана, отправившего свою знаменитую в Кандире дочь на верную смерть.

– Провинилась?

– Не знаю, – Хели начала раздражаться от внимания такого количества людей.

– Драться умеешь?

Та кивнула и из толпы раздалась смешки.

– Вот, что я хочу сказать, – мужчина встал и выпрямился. – Салар здесь волей повелителя. Кто знает, о чем он думал, отправляя ее сюда, но ясно одно. Мы должны беречь девчонку.

Толпа озадаченно посмотрела на Хели. А Хели не менее озадаченно смотрела на них.

– Я уверен, что, если с ней что-то случится, нам не сносить головы. Все это поняли?! – гаркнул он так, что Хели пригнулась от неожиданности.

Те усердно покивали и стали расходиться по своим кроватям, размышляя еще об одной заботе, скинутой на них Даном. Никогда ранее эти люди ни о ком не заботились, и теперь им придется это делать, чтобы спасти собственную шкуру. Все они хорошо понимали, что девчонка не выдержит и толики испытаний, которые они проходят ежедневно. Поэтому они злились, что теперь помимо собственной жизни, им придется заботиться о сохранении чужой. Некоторым в

голову пришло то, что Дан таким образом устроил некое испытание, смысла которого они все равно не поняли, но решили играть по правилам – вдруг повезет и они его пройдут.

– Салар, меня зовут Тохон, – представился мужчина, державший ее за шкурку. – Обращайся в случае чего.

Хели бросила робкий взгляд на этого гиганта, которому едва доходила до груди и кивнула. Если у нее будут такие защитники – она выживет.

Растерянность

– Я не считаю это ошибкой, – сказал Тагир, направляясь во внутреннюю оружейную, доступную лучшим бойцам Дана.

Каралан перехватила его по дороге и теперь расспрашивала.

– Теперь, чтобы выжить, Салар придется драться за воду, пропитание, за свою жизнь. Только это способно чему-то научить ее.

– Неужели все было настолько плохо? – спросила Кара, промакивая лоб платком.

Стояла изнуряющая жара и деревья Кандирской цитадели опустили свои листья. Деревья требовалось поливать, но никто не собирался расходовать драгоценную воду на такие глупости. Для дневной жары здесь куда больше подошли бы Тевкретские пальмы, однако они не вынесли бы ночного холода.

– По непонятной мне причине она сопротивлялась каждому моему слову, – пожал плечами тот. – Не печальтесь, она не умрет. Рядовые баракы Нижнего города не позволят этому произойти, иначе господин развесит их головы вдоль стены. По правде сказать, времени на обучении бою у нее осталось очень мало. Ведь вы знаете, Черный Пес может вот-вот подойти к стенам Кандира.

– Его войско неспособно подняться по кандирской лестнице, – возразила Кара.

– Для покорения крепости ему нужно не войско, вооруженное мечами и копьями, а войско, вооруженное магией. А такому войску лестницы ни к чему. Прошу меня простить, я должен идти.

Магия?

Каралан недоуменно уставилась в спину бывшему тренеру Архелии, который скрылся за дверями оружейной. Ей пришлось вернуться к Дану и прождать два с лишним часа, пока он не закончит военный совет.

– У меня не осталось времени, – сказал он ей, подтвердив слова Тагира. – Ахал давно знает, что Архелия у меня. Сейчас я не могу сказать, что он предпримет, но могу совершенно точно сказать, что медлить он больше не будет. Прошло слишком много времени. Шаманка сказала, что только у Ахала есть то, что способно пробудить дракона в амари.

– Он не осмелится напасть на Кандир. Дан, – она умоляюще взглянула на него. – Убей Ахала.

– Я думал об этом. Это был бы наиболее простой выход. Проблема только в том, что нашлась вещь, которую я не в силах исполнить. У Ахала есть преемники, которых он готовит. У него есть четкие указания о том, что нужно сделать в случае его внезапной смерти. Кандир находится на пороховой бочке, ибо даже внезапное падение с лошади его преемники могут истолковать как заговор с моей стороны.

– Н-ну и что?.. Кандир никогда никому не завоевать!

Дан печально покачал головой, и Кара почувствовала к нему пронзительную жалость. В этот момент он выглядел таким старым, уставшим и беспомощным, что Каралан поняла – впервые Дан находился в таком тупике, из которого не видел выхода. И это по-настоящему напугало ее, ибо если Дану придет конец, то придет конец Кандиру, конец той жизни, которой она жила, тщательно стирая из своей памяти все, что случилось с ней до встречи с этим сильным человеком.

– Ахал где-то обнаружил неиссякаемые источники магии, – сказал он.

Магия. В этом мире это слово звучало как приговор. И хотя в живых не осталось ни одного свидетеля той магической войны, что бушевала на этих землях сотни лет назад, земля сохранила шрамы. Там, где когда-то шелестел лес, теперь была лишь выжженная пустыня. Вскипевшие моря исторгли из себя все живое и обнажили дно, превратившееся в покрытое обломками камней поле погребения. Горы рассыпались, хороня под собой целые города. Вулканы завершили начатое, покрыв многие километры вокруг себя жесткой черной коркой застывшей лавы.

И ни у кого не было способа противостоять магии и тем, кто ею владел. Спасение было одно – бегство. Но разве можно убежать от тех, кто видит сквозь камень?

Жизнь стремительно сокращала отведенные им минуты. Единственная причина, по которой Ахал не мог напасть

на Кандир немедленно – риск потерять Архелию в этой бойне. В конце концов Дан мог лично убить девчонку на глазах Ахала, и тогда годы труда и поисков пройдут впустую. Ахал сейчас был осторожен как никогда – дернешь не ту нить и все полотно рассыплется. И впервые за всю свою долгую жизнь Дан не представлял, каким будет следующий ход противника.

Горькая помолвка

Старший могадорский принц Даррин Лимериис стоял перед отцом в его кабинете, захламленном книгами, свитками, огромными картами из пергамента, кожи и ткани, сваленными в кучи по углам, на шкафах и на всех горизонтальных поверхностях.

Принц приехал по зову отца из Нинавеля, куда его по-тащил Герис. В ярком, благоухающем, цветочном Нинавеле жила девушка, в которую был влюблен его брат.

Король Эмон окинул тяжелым взглядом своего старшего сына, на которого возлагал все надежды. Даррину уже исполнилось семнадцать, он был высок и более широк в плечах, чем его братья и вместо своих семнадцати выглядел на все двадцать пять.

От постоянных разъездов его русые волосы выгорели, а лицо, напротив, загорело. Спокойное, мужественное лицо, на котором словно светились серебристые глаза.

Он не по годам развит и умен, – подумал отец. Он будет достойной заменой ему, старой рухляди. Тем сложнее сейчас было сообщить Даррину новости.

– Твой невестой станет Мора Кивайская, – не рассусоливая, сказал король.

– Как пожелает отец, – Даррин лишь кратко кивнул и снова устремил взгляд серых глаз на отца.

– Она, конечно, не первая красавица, – почесал седую голову отец. – Она из Беррена, и если бы я озаботился этим вопросом пораньше, то ее более симпатичных сестер бы не успели разобрать. Берренцы – гордый народ и они рады породниться с нашим домом. Она приплывет месяца через, кхм, три. Сыграем свадьбу сразу же. С ней прибудет пять галеонов, они станут ее приданым.

– Галеонов, полных людей Беррена? – спросил Даррин.

– Разумеется. Принцессу нужно охранять.

– Что мы получим от этого союза?

– Многое, – вздохнул король Эмон. – Туран принадлежит Ахалу, Берренцы лижут ему зад, рассчитывая отхватить кусочек страны, так как Утмас находится далеко от Турана. Ахалу нужно удерживать Утмас и в целом даже дураку ясно, что Туран ему не нужен. Он бросил страну, посадив на законное императорское место своего жирного наместника, который только и делает, что разоряет народ, порученный ему. Если планы твоего старика-отца будут исполнены, Могадор и Беррен объединятся и любой ценой получают Туран, во главе которого сядешь ты и их принцесса. И не будет союза сильнее, чем этот.

– В случае если я займу престол Турана, Герис останется править Могадором? – уточнил Даррин.

– Все верно. Ему тоже необходимо подыскать невесту, пока он не сложил свою буйную голову на каком-нибудь турнире. Герису пора остепениться.

– Ему всего пятнадцать, – заметил Даррин. – Рановато остепеняться.

– Вы королевские сыновья и должны быть образцом для народа. Я прекрасно осведомлен тем, что Герис делал в Нинавеле при твоей поддержке, – добродушно усмехнулся король. – Пусть лишится невинности с красивой девушкой, но невестой ему будет другая.

– Он давно лишился невинности, – Даррин не удержался и улыбнулся.

– Я рад, что у вас крепкие узы. Вы олицетворяете собой девиз нашего дома. Я был бы рад не разлучать вас в дальнейшем. Все, иди, – он махнул рукой и Даррин покинул комнату.

Уже на выходе на него набросился подкарауливавший его Герис.

– Я все слышал, – торжествующе объявил он, положив руку брату на плечо. – Не повезло тебе, братишка.

– О чем ты?

– Я слышал, эта Мора холодна, как Берренские горы! Да и страшна вдобавок.

– Вовсе она не страшная, – возмутился Даррин. – Я видел ее портреты.

– Художники любят приукрашивать, ты же знаешь. Итак, у тебя осталось всего три месяца до тех пор, пока тебя не окольцует холодный йети...

– Она не йети! – крикнул Даррин и, сбросив руку брата с плеча, собрался выписать ему тумак.

– Остынь, братец! – захохотал Герис, увернувшись от него и припустив по лестнице вниз. – Поторопись, у нас много дел до того, как ты присунешь этой Море и отморозишь свой член в ее ледяной щелке!

Тренировки

Архелия привыкла вставать с петухами, но она не ожидала, что ее поднимут настолько рано – на улице все еще стояла холодная тьма. Жители ее барака высыпали на улицу, где стояли лохани с водой, которой они умылись. Теперь Хели по крайней мере могла не бояться, что на нее совершат покушение – все слишком боялись Дана. Она старалась держаться Тохона, который обещал ей поддержку. После умывания все стройной толпой понеслись на плац, где происходила разминка.

За разминкой следовала четырехчасовая пробежка по серпантину до Теруана и обратно – соседней с Кандиром крепости, где также владычествовал Дан. И если после этой пробежки человек оставался на ногах, то его ждал небольшой перерыв с завтраком.

Мужественно продержавшись полтора часа, Хели безнадежно отстала от основной группы и упала прямо на дорогу, где ее на обратном пути подобрал Тохон. Ноги девочки не сгибались, а сама она едва могла шевелить языком. Все, что она попросила на завтрак, это воды.

После завтрака ее ожидала тренировка на оружии, но изнуренная жарой и бегом по наклонной дороге, она попросту села на горячую утоптанную землю на плацу.

– Поднимайся! – резко крикнул на нее незнакомый чело-

век с пятихвостой плетью в руке.

Незнакомец был в три раза выше Хели и в четыре раза шире. Одет он был лишь в кожаную набедренную повязку, напоминавшую одежду надсмотрщиков над рабами, которых Алькамар не видел вот уже двести лет. Его широкая, мускулистая, совершенно гладкая грудь вряд ли позволила бы ему войти в проем любого кандирского барака.

– Не могу! – крикнула в ответ Хели и ее голос сорвался.

Мужчина широкими шагами направился к ней и, к удивлению Хели, никто не встал у него на пути.

– Либо ты встаешь, либо прямо сейчас отправляешься за ворота! – рявкнул он, не обращая на льдистое голубое сияние ее глаз.

Хели шумно выдохнула воздух через нос, нахмурилась и заставила себя подняться, упершись руками в колени.

– Спину прямо! – так же громко скомандовал мужчина, ударив ее по спине костяной рукоятью плети, и девочка, не удержавшись, рухнула на землю. – Что ты делаешь здесь, щенок?!

– Это Салар, дочь господина, – подал голос подошедший Тохон.

– Это самый жалкий, скулящий без маменькиной сиськи щенок, которого я только видел! – капитан подошел к Хели, по щекам которой потекли злые слезы и гаркнул ей прямо на ухо: – Я ДВА РАЗА НЕ ПОВТОРЯЮ!

Опираясь на свой гнев и бессильную ярость, Архелия под-

нялась с колен, старательно игнорируя жгучую боль в спине в месте, где по ней прошлися рукоятью плети. Трясущимися руками она отряхнула желтую пыль с одежды и, поджав губы, уставилась капитану прямо в глаза.

– Нечего сверлить меня взглядом, – вдруг хохотнул гигант, – если бы им можно было убивать, это стало бы лучшим оружием в мире. Зансо! Сегодня девчонка твоя пара! И смотри, не дай ей себя убить! – снова хохотнув, гигант размахнулся и со всей силы ударил воздух плеткой. Хели показалось, что она оглохла на одно ухо, так громок был звук.

К ней подошел невысокий и сублильный молодой человек. Глядя на него, невозможно было сказать, сколько ему лет – может быть двадцать один, может быть пятнадцать. Как и все здесь, он был таким загорелым, что казался почти черным. Хели вдруг подумала, что еще пара недель такой жизни и она станет такой же черной. Как же глупо будут выглядеть ее голубые глаза на фоне черного лица. У всех прочих радужки глаз сливались с кожей – они были коричневыми, черными, изредка песчаными.

Зансо был вооружен короткой тонкой палкой. Имитация клинка, подумала Хели. Она вдруг смутилась, подумав, что никогда не держала такого в руке – с Тагиром она всегда тренировалась на настоящем оружии.

Ее партнер вдруг нанес ей молниеносный удар по руке и отскочил.

– Ты ранена, – кратко сказал он и, скользнув ей за спину,

воткнул кусок дерева под ребра. – Ты убита.

От удара у Хели перехватило дыхание. Держась за бок, она подобрала с земли свою версию деревянного клинка. По длине этот кусок дерева не подходил ни под классические стилеты, ни под кинжалы, ни под ножи известных ей форм, ни под укороченный меч. Словом, простой кусок дерева.

Однако взяв его в руку, Хели с удивлением обнаружила, что дерево, выточенное под форму лезвия с рукоятью, прекрасно сбалансировано. Деревянное оружие казалось тяжелее, чем выглядело, и девочка предположила, что внутри спрятан металлический каркас. Тычок под ребра до сих пор явственно ощущался, поэтому она решила во что бы то ни стало добраться до ребер Зансо, который выжидающе смотрел на нее. После щелчка плети, который был командой к действию, весь плац пришел в движение – будущие данны отчаянно тренировались в оружии, крутясь вокруг своих соперников, нанося удары и защищаясь.

Ей предлагали тренироваться наравне с мужчинами. Но эти мужчины все как один были выше ее, сильнее и массивнее.

«Быстрая, как ветер, тихая, как тень», – говорил ей Тагир.

«Будь хитрой лисицей, извивайся змеей, просачивайся песком», – говорила ей Кара.

Тагир месяцами ежедневно, по несколько часов заставлял ее привязывать к ногам утяжелители из мешков с песком, чтобы она обрела чувство легкости в теле. Он учил ее скоро-

сти, нанося ей слабые, но молниеносные удары и заставляя реагировать на них, предугадывать. Он учил ее равновесию, часами заставляя стоять на одной ноге.

Глядя на Зансо и вспоминая все те уроки и приемы, что применял к ней Тагир, Хели размышляла о тактике, которую может применить против мужчины. Зансо, заметив, как пристально она его разглядывает, слегка напрягся и встал в стойку, поудобней перехватив деревянное оружие.

«Он боится меня!» – радостно подумала Хели и сразу же выбросила из головы все наставления Тагира. Спинай вперед она стала неторопливо отходить от противника, а затем разогналась и понеслась прямо в лоб Зансо. Тот и не думал уворачиваться. Вид бегущей девочки на три головы ниже его не пугал. Он приготовился хватать ее и обезоруживать, как она вдруг сама отбросила в сторону деревянный клинок и в последний момент перед столкновением опустившись на колени и отклонившись спиной к земле, проезжая прямо между ног Зансо, нанесла ему сокрушительный удар кулачком в пах.

Затем она резко вскочила и обернулась, рассчитывая отразить удар в челюсть, однако ее противник, повизгивая, лежал на земле, крепко держа ушибленное достоинство обеими руками.

Неужели получилось? – пронеслось у нее в мозгу. Добить! Нужно добить! – она рывком подобрала клинок Зансо и со всей силы воткнула ему его под ребра, чем вызвала жалкий

крик противника.

– Убит! – дрожащим от волнения голосом сказала она и бросила его же клинок ему в голову.

Над ней раздался громовой хохот сотен глоток, присутствовавших на плацу.

– Истинная убийца!

– ... мужских яиц! – хохотали над ней.

– Девка-то молодец! Дралась как истинная женщина!

Вдруг в воздухе снова раздался громкий щелчок плети, и бойцы мгновенно заткнулись. К Хели широкими шагами направлялся капитан.

– Кто из вас, отребье, догадался бы хорошенько врезать по яйцам врагу имея при этом оружие?! – гаркнул он на весь плац.

Уже втянувшая голову в плечи Хели приоткрыла один глаз и посмотрела на нависавшего над ней гиганта.

– У нас ведь тренировка на оружии, – возразил ему кто-то.

– А перед тем, как настигнуть свою жертву, ты пошлешь ему надушенное письмо с предупреждением о нападении?! Какие глупости! Ни у кого из вас не хватило ума выбраться за рамки приказов! Вы безмозглое стадо, которое цари посылают в авангарде войска, а не Тихие убийцы с головой на плечах! Вы должны использовать любую возможность убить противника! Выдавливайте глаза, отрывайте пальцы, травите врага ядами, бейте по яйцам, в конце концов! Сейчас вы враги друг другу! Из двух сотен только двое доберутся до

посвящения в орден! Только двое самых хитрых, бесчестных ублюдков станут Тихими! И эта девчонка, уделавшая мужика, станет одной из двух!

Зря он это сказал, подумала Хели, заметив, сколько злых взглядов устремилось на нее. Вот было бы здорово подмешать яду в котел на общей кухне, чтобы перетравить их всех...

Потянувшиеся следом дни нескончаемых тренировок заставляли Хели вспоминать все то, чему учил ее Тагир, чтобы успешно использовать это для выживания. Каждая деталь, будь то наполненный водой стебель растения где-то в горах или болевая точка, при воздействии на которую можно обездвигнуть человека – все вдруг обрело ценность.

Долгие часы в библиотеке Умана с засушенными цветами дали ей бесценное знание о растениях и их свойствах. У других этих знаний не было и однажды на экзамене по ботанике целых шестнадцать человек погибло, отравившись неправильно выбранными из корзины ягодами.

Будущих Тихих учили на примере их самих. Человек, с которым они дрались сегодня, завтра мог нанести смертельный удар. Каждый раз боец должен был защищаться так, словно этот удар смертельный.

Выбирая из корзины яркие, сочные ягоды, Тихий должен быть оставить ядовитые в корзине. Ценой любой ошибки была жизнь и с каждым днем население бараков редело. Сегодня не досчитались двух, а завтра – двенадцати человек.

Однако также с каждым днем людей прибывало. Новичков могли сразу кинуть к более опытным, и если старшие не жалели их, то новички долго не задерживались на этом свете. Ежедневно перед воротами Кандира собирались люди, жаждавшие открытия ворот и принятия в Тихий орден. Кто-то, не выдержав ожидания, умирал прямо там и люди сбрасывали тела со скалы.

Через три недели Архелия привыкла к ритму жизни. От ветра и солнца ее кожа задубела. Она перестала обращать внимание на получаемые синяки и на боль, всюду сопровождавшую ее первые недели. Через два месяца она почувствовала уверенность в том, что сможет дойти до конца, а через полгода она кормила свой барак молодыми барашками, убитыми на склонах горы, куда не мог забраться ни один человек.

Тонкая, но крепкая. Невысокая и ловкая, она ухитрялась пройти по веревке, натянутой между домами и попасть из лука в голубя, сидящего высоко на крепостной стене. Она спала так чутко, что просыпалась от любого скрипа и сразу настороженно замирала.

В ней поселился страх. Страх за свою жизнь, хоть Тохон и уверял ее, что никто не посмеет поднять на нее руку.

Но они смели, да еще как. Никто не жалел невысокую девочку и только ее ловкость позволяла избежать переломанных костей, когда ее противник размахивался, чтобы нанести сокрушительный удар. Тохон нередко менялся с ней ме-

стами, предоставляя ей новичков, которых Хели с легкостью обставляла. Дан вытравлял из своих мужчин любые понятия о чести, и Хели была первой, кто подхватил это. Она вполне могла убежать от своего противника, а затем вернуться, пока он растерянно оглядывался по сторонам. Она научилась метать клинки, но пока ни разу не использовала это умение. Она не могла ранить человека или убить. Их учили быть убийцами одного удара, но это была единственная вещь, которую Архелия не могла сделать. Ее задачей было выживание. Никто, и она в том числе, всерьез не рассматривали возможность того, что девочка станет одной из Тихих.

Если раньше Хели ненавидела «слепые» уроки Тагира, то теперь они стали ее любимыми. Адептов ордена могли заставить неделями носить плотную черную повязку на глазах. С ней они должны были тренироваться, есть, спать, ходить по крепости. Архелия пошла дальше и стала пробовать охотиться с повязкой на глазах. Девочка могла похвастать самым тонким слухом из всех, кого она знала. Годы, что она провела в Кандире до переселения в бараки, позволили ей хорошо изучить крепость и ее дома, поэтому девочка могла себе позволить разгуливать по крышам с закрытыми глазами. При отсутствии зрения она вдруг поняла, насколько важным был каждый камень на пути, каждое дуновение ветра, запахи и даже шероховатая поверхность домов. Она всегда знала, где находится восток, потому что там Кандир вращался в скалу и из горных пещер поддувал холодный воздух, ко-

торый стал так отличим, когда она лишилась зрения. Днем с Дорешской степи, что простиралась на западе, доносился жаркий, словно бы густой воздух, в котором Хели отличала запахи сухой травы и раскаленной земли.

Кто-то из барачков в такие дни пользовался палочкой, чтобы знать, куда он ступает, но Хели считала, что она стесняет движения. Она достаточно хорошо ориентировалась в крепости, чтобы знать, где находятся лестницы или стены. По фактуре стен и по шуму людей она могла определить в какой части крепости она находится. Легче всего, конечно, определялась торговая улица, где люди шумели и днем и ночью. Ремесленничий переулок также был легкой задачей, так как определялся по запахам – серы у кузнецов, запаху кож у кожевенников, восхитительному запаху свежеевыпеченного хлеба у пекарей. Только травник в этом ворохе запахов находился с трудом, но Хели уже знала, что он находится в конце переулочка. В свободные минуты она забегала к нему и нюхала растения, также тщательно ощупывая их. Она не знала, пригодится ли ей это, но ей нравилась эта игра, ведь доселе она всегда руководствовалась зрением.

Отбросив мечты

Даррин тяжело дышал, уперев руки в тяжелый дубовый стол в своих покоях. Перед ним лежали пожелтевшие от времени листы пергамента с прекрасными рисунками талантливых художников. На рисунках были мастерски отображены несколько человек – принцессы Ирристрию. Королева Алайна хотела написать портреты дочерей до того, как они разъедутся и эти рисунки были лишь набросками для огромного полотна, которое так и не увидело свет.

За эти портреты принц отдал два тугих мешочка с золотом.

Его взгляд постоянно возвращался на крохотную четырехлетнюю девочку с пышными золотистыми кудряшками. Она. Это она должна была стать его законной женой, а не эта – костлявая, темноволосая, с бледной кожей.

Он часто представлял себе, как выглядела бы Архелия в десять, пятнадцать, семнадцать. Даже если она была бы в половину менее красивой, чем ее мать, то даже так она стала бы самой красивой девушкой королевства. Она даже снилась ему, но все, что он помнил из снов – голубые глаза и сияние золотых волос. В остальном ее лицо было размыто и ускользало от него.

Даррин всю жизнь тосковал по тому, чего никогда не имел. По тому, что видел всего однажды. Эта тоска делала

взгляд его серых глаз будто бы мудрее. И только Герис знал, что там пахнет не мудростью, а плесневелой влюбленностью в фантазию, как он говорил. Иногда Герис напоминал ему, что Даррин никогда толком не знал Архелию, она была всего лишь крошечным ребенком, когда он в первый и последний раз увидел ее. Кто знает, какой бы она выросла? Кто знает, полюбила бы она Даррина? Вполне возможно, она стала бы такой же злой сукой, как их тетушка, жена Раэстана, который так часто бывал в разъездах, что видел ее пару раз в год, когда делал ей очередного ребенка, очередного мертворожденного.

Раньше Даррин мечтал, что узнает о том, что Архелия жива и отправится на ее поиски, но теперь уже поздно. Уже через полчаса он будет женат на Берренской девице, на которую кроме него не нашлось желающих. И сегодня же он будет обязан зачать ей ребенка. При этой мысли Даррин содрогнулся. Внешне не имеющая серьезных изъянов, Мора была весьма неприятна сама по себе, хоть и старалась мило улыбаться. Даррин подумал о том, что она, вероятно, испытала в жизни немало насмешек, особенно когда ее, старшую, напроочь игнорировали женихи, сватавшиеся к ее сестрам. Это был позор – выйти замуж позже своих младших сестер и теперь она была так рада Даррину, что старалась быть донельзя милой. И это страшно раздражало. Мора из Кивая постоянно пялилась на него, словно стараясь прочесть его мысли и всюду навязывалась ему. За те две недели, что она пробы-

ла здесь, она успела осточертеть Даррина, который спасался обществом брата. Как же он будет жить с ней до конца своих дней?..

Честь и семья. Девиз Лимерийцев. Он обязан принять Мору в свой дом и сделать ей детей.

Нахмурившись и сжав губы, Даррин решительно скомкал в руке портреты ирристрианок и бросил их в камин. Столько лет он жил фантазиями и надеждами, что возвращение к суровой реальности стало донельзя болезненным.

У Мору хороший характер, она мила, хозяйственна, богата и должна быть плодovита, судя по ее матери. Прекрасная партия, Даррин Лимериис, – говорил он себе, спускаясь к тронному залу, откуда они должны были направиться в храм.

Да, но при этом она так худа, что выпирают кости. При этом она навязчива, как голодный щенок. При этом у нее не золотые волосы, а черные, как смоль...

Первая крупца правды

Хели снова снилась эта заснеженная гора, очертаниями похожая на ящера, который обвинил ее и склонил голову, словно во сне. Снова она слышала этот глухой, рокочущий голос, который неустанно твердил ей, что она должна идти. В ее голове вспышками проносились странные, смутные видения, в которых она почти ничего не могла разобрать. Наконец один из образов стал четче и Хели смогла разглядеть стоящую женщину с длинными золотыми волосами, создававшими светящийся ореол вокруг ее головы. Лица она не видела. Внезапно картинка сменилась видом падающих камней и оглушительным грохотом в ушах.

Архелия подскочила на кровати и не сразу поняла, что сон кончился. В бараке было тихо, слышалось только дыхание множества спящих здесь людей.

Вдруг перед самым своим лицом она увидела какого-то незнакомца. За время, проведенное в бараках, она успела запомнить на лицо всех его жителей и теперь могла совершенно точно сказать, что этот молодой человек не отсюда. Он был высоким – уж точно выше нее. У него, как и у многих здесь был короткий ежик черных волос и смуглая кожа, цвет которой был различим даже в полумраке. Темно-карий цвет глаз говорил бы о его низком положении, живи он в каком-нибудь королевстве. Но Хели успела заметить, что фор-

ма его носа и губ сильно отличается от прочих носов и губ местных жителей. У незнакомца черты были тоньше, в то время как большинство жителей Кандира имело пухлые губы и широкие крылья носа. Хели показалось, что она где-то видела его.

Высокий, худощавый, но мускулистый (конечно, до Тохона ему было очень далеко), он представлял опасность, и Хели молниеносно достала кинжал из-под своей сооруженной подушки, так как имела полное право убить чужака. Одним из законов Кандира было то, что отряды бойцов никогда не должны смешиваться, и если один отряд видел незнакомца в своих рядах, то имел право убить его и забрать все его вещи.

– Не горячись, – тихо сказал парень, успев перехватить руку девчонки.

Хели не собиралась кричать – незнакомец мог одним движением перерезать ей глотку. А ей нужно было жить.

– Я не собираюсь убивать тебя, видишь? – он поднял обе руки, демонстрируя, что оружия в них нет, но Хели ни капли не поверила ему – оружие можно было достать из-под одежды так, что никто бы и не успел заметить этого движения.

– Чего ты хочешь? – прошипела она.

– Познакомиться с тобой, – он поднял ей подбородок, чтобы разглядеть лицо в полумраке, но Хели, густо покраснев, откинула его руку.

– Ты не туда попал, если хочешь женщину, – ошетибилась девочка.

Парня, казалось, рассмешил ее вывод.

– Ну что ты. Я пришел вовсе не за этим. Я только хотел проверить, правда ли то, что говорят о тебе люди.

– Что? – удивилась Хели. Ей и в голову не приходило, что о ней могут судачить.

– Ты красивая, – снова сказал парень, явно льстя ей – сейчас Хели выглядела далеко не лучшим образом – солнце опалило ей кожу, сделав девочку почти неотличимой от остальных жителей Кандира. Ее волосы были очень коротко острижены, а грубая одежда прятала, впрочем, тощую фигуру. К тому же, в полумраке вообще сложно было что-либо разглядеть.

Но Хели впервые слышала такие слова и ей стало приятно. Кто-то обратил на нее внимание и это ей льстило.

– На улице дождь, пойдем, там здорово, – предложил незнакомец. – Кстати, меня зовут Каган.

Хели недолго думала над предложением – дожди здесь бывали довольно редко даже осенью, и ей всегда нравилось подставлять лицо холодным, освежающим каплям. И, хотя было запрещено покидать бараки, она вскочила и тихо, как мышь, стала красться среди кроватей, следуя за Каганом.

На улице и правда шел дождь. Архелия радостно раскинула руки и обратила лицо к небу. Она не боялась быть обнаруженной, ибо вокруг была крошечная тьма – тучи заслонили луну.

Каган оценивающе оглядел Хели:

– Сколько раз ты бывала под дождем за те одиннадцать лет, что провела здесь? – неожиданно спросил он.

– Я провела здесь пятнадцать лет, с самого рождения, – ответила та, жмурясь от удовольствия. – Дождей было семнадцать.

Каган издал тихий смешок.

– Но ты провела здесь одиннадцать лет, – возразил он.

Хели не стала спорить – ей было все равно.

– Они же лгали тебе, – с деланным сочувствием сказал парнишка.

– Такого не может быть.

– Конечно, может. Ты помнишь, что с тобой случилось, когда тебе было четыре?

– Нет, я была слишком маленькой, – ответила Хели, но вдруг внутри нее шевельнулось холодное подозрение. – Что ты имеешь в виду?

– Ты была принцессой, – ухмыльнулся Каган. – Амари Архелия Ивейн Ирристрию, я ваш покорный раб, – и он издевательски сел перед ней на одно колено, прямо в грязь.

Хели сделала шаг назад. Она впервые слышала это имя.

– Меня зовут Салар. Так меня назвала мать.

– Как унизительно, я сочувствую тебе. Получить королевское имя Архелия и волей приемных родителей-воров получить унизительное имя Салар.

– О чем ты говоришь?! – яростно прошептала Хели, не решаясь заорать в полный голос.

Каган поднялся и, подойдя к ней совсем близко, заглянул в глаза.

– Твои глаза – вода. Ты никогда не задумывалась, почему у простых людей глаза сплошь песчаные? Иногда карие. Ты одна-единственная во всем Кандире, у кого голубые глаза, королевские глаза.

– Этого не может быть, – она грустно покачала головой. Каган рассказывал ей сказки, в которые ей очень хотелось поверить и понять наконец, почему она так отличается от других.

– Хочешь, я расскажу тебе, что случилось, когда тебе было четыре?

Хели кивнула.

– Твоя семья была очень могущественным императорским родом. Знаешь, кто их убил? Дан, – он указал куда-то высоко, туда, где стоял замок Дана. – Они похитили тебя, потому что у тебя есть магическая сила.

Хели не удержалась и прыснула. Ей еще никогда не рассказывали таких бредней. Она взглянула на промокшего Кагана, который внимательно следил за ее реакцией. Он начал ей нравиться – он был смешной, безрассудный и, по ее мнению, неопасный. И он сделал то, о чем Хели мечтала всю жизнь – продемонстрировал ей ее высокое положение, пусть и одним жестом, но для нее это имело огромное значение.

– Откуда ты это знаешь?

– Я очень много знаю. Прощай, принцесса, – он слегка

прикоснулся губами к ее щеке и, словно обезьяна, взлетел вверх по стене барака и исчез.

Архелия ошеломленно осталась стоять, глядя в черноту. Это внезапное, навязанное ей знакомство всколыхнуло в ней все ее существо. Незнакомец, представившийся Каганом, сказал ей вещи, которые могли объяснить то, что происходило с ней всю ее жизнь.

Первое пробуждение в спальне Каралан, когда она пыталась убедить Хели, что той снова приснился чудесный сон. Она хорошо это помнила. Непонятное отношение к ней Дана, ее якобы отца. Его ссылку Хели в бараки. Ее светлые волосы, которые Кара настойчиво красила, словно пытаясь спрятать что-то. Ее голубые глаза – единственные в Кандире.

Вдруг Хели, почувствовав за спиной чей-то взгляд, резко развернулась и увидела прислонившегося к косяку Тохона.

– Не спится? – спокойно спросил он.

– Я уже возвращаюсь, – сухо ответила Хели, поднимаясь по ступенькам.

– Салар, я прошу тебя – не усложняй нам работу по твоей защите. Мы все погибнем, если с тобой что-то случится.

– Это лишь ваши домыслы. Я уверена – Дану или кому-либо другому я здесь не нужна, – с этими словами Хели скрылась в темноте барака.

Шли дни, покрытые грязью, потом и кровью, дни, когда Хели боролась за жизнь высоко в ледяных горах над Кандиром. Дни, когда она, теряя сознание от жажды, вдруг нахо-

дила несколько стебельков водонесущего растения. Дни, когда ей приходилось пробегать много километров. Дни, проводимые в схватках с другими адептами ордена. С каждой своей схваткой она узнавала новое и применяла новые тактики. Быстрая, как лань, тонкая, с длинными руками и ногами, она брала верх в схватках либо измором, либо неожиданными приемами, приправленными ловкостью и изворотливым умом.

Разумеется, ей помогали. Если оставался последний кусок мяса, добытый на охоте – его отдавали ей, несмотря на ее протесты. Ее носили на спине, когда, после нескольких дней в движении, у нее не оставалось сил даже говорить. Люди, окружающие ее, были сильнее, выносливее, опытнее и без их поддержки она давно бы погибла, сорвавшись со скалы или упав без сознания в степи. Основной проблемой Хели всегда был недостаток сил и, хотя она была куда выносливее ее ровесников, ей все равно было не угнаться за Тохоном и другими мужчинами.

А они сплачивались вокруг нее. Забота о девочке стала тем рычагом, что поднимал их, когда они сами оставались без сил. Они давно забыли о том, что берегут ее из боязни за свою жизнь. Архелия стала тем огоньком, вокруг которого вились мотыльки, нашедшие смысл своей пустой жизни и не боящиеся обжечь крылья.

Хели больше не видела Кагана, но слова, сказанные им, все время стояли перед ней стеной, отгораживающей ее от

остального мира. Тохон и другие стали часто спрашивать, что с ней случилось, почему она стеклянными глазами смотрит в степь и не слышит слов, обращенных к ней. Почему она внезапно грустнеет, стоит ей бросить взгляд на возвышающийся замок Дана. Почему она наотрез отказывается красить волосы, как раньше, когда Каралан приносила ей отвар. Чтобы Кара не заметила этого, Хели отказывалась встречаться с ней, не объясняя причин, отчего женщина впадала в отчаяние и умоляла окружающих Хели мужчин объяснить ситуацию. Но они и сами не знали, в чем причина смены поведения девочки.

Волосы Архелии отрастали, теперь они были длиной в полпальца девочки. Отсутствие отвара и солнце, выжигающее волосы, превратили их в желто-белую солому. В Кандире Хели носила платок, чтобы не выделяться в толпе, но, когда начинались тренировки, она снимала его. Отчасти это было потому, что на этом настоял Тохон, утверждавший, что так ее видно издалека. Ну, конечно, белую макушку девочки было видно издалека, особенно на ее темной от солнца коже. Хели загорела так, что перестала отличаться от смуглых жителей Кандира и только глаза теперь могли выдать ее, но она никогда никому не смотрела в лицо.

Целыми днями Хели размышляла, стоило ли расспросить Кару о том, что сказал ей Каган. Ведь иначе она никогда не узнает правду, особенно учитывая то, что сам Каган бесследно пропал. В итоге Хели решила-таки встретиться с ней.

Их встреча состоялась прямо в бараке, куда Кара неожиданно пришла, чтобы успеть перехватить девчонку, пока она не сбежала в очередной раз. Женщина с порога расплакалась, увидев смуглую, похожую на мальчишку Хели, голова которой была обмотана каким-то тряпьем.

– Почему ты убегала?! – Кара с упреками кинулась к Архелии.

Та с каменным лицом сорвала платок со своей головы и молча уставилась на Кару. Та онемела. Вокруг них словно каменные истуканы стояли мужчины, на присутствии которых настояла Хели, ожидающая подстав от Кары.

– Зачем мне красить волосы? – жестко спросила Хели. – Говори правду, в твою ложь я больше не поверю.

– В... какую ложь?

– Почему у меня одной желтые волосы?! Если ты моя мать, а Дан – отец, то волосы и глаза у меня должны быть темными, как у всех здесь!

Кара почувствовала, как земля уходит из-под ног. В ее голове тупо билась мысль "она что-то знает?". Но это было невозможно – тайну Хели знала только она и Дан! Значит, Хели всего лишь воспользовалась знаниями, любезно предоставленными ей Уманом.

– Мы м-можем поговорить наедине? – Кара бросила взгляд на мужчин.

– Нет! Я и шагу не сделаю отсюда.

Каралан нервно сглотнула. Она не ожидала, что Хели при-

обретет такую власть над этими мужчинами. Пожалуй, здесь что-либо мог сделать только Дан, но ему лучше не знать, что Хели стала задавать такие вопросы в ультимативной форме.

– Т-ты не наша дочь.

Архелия опасно сузила глаза. Сейчас ее невысокая тонкая фигурка со скрещенными на груди руками была подобна фигуре императора, ее настоящего отца.

– Мы спасли тебя.

– Неужели?

– Салар, что происходит? – взмолилась Кара.

– Дай подумать... кажется, меня зовут Амари Архелия Ивейн Ирристриу?

У Каралан потемнело в глазах. Однако сквозь эту тьму обреченности проглянул светлый лучик – Хели явно не знала, что значит "амари", иначе не отнесла бы это к своему имени. Ведь "амари" – значит "принцесса". Значит, источник был либо недостоверным, либо очень кратким и у Кары есть шанс опровергнуть это.

– Нет, конечно нет, – покачала она головой, стараясь, чтобы голос был максимально правдивым, – так зовут не тебя. Ты всего лишь похожа на эту девочку своими глазами, но между вами нет родства.

Хели услышала в своих ушах стук крови. Нужно докопаться до правды во что бы то ни стало.

– Ты лжешь, – дрогнувшим голосом сказала она. – Я помню тот дворец! Это я была Архелией! Вы похитили меня!

– Милая, мы ведь уже говорили об этом, – устало ответила Каралан. – Ты не можешь быть ею.

– Почему? – Хели яростно сверкнула глазами.

– Вся семья Ирристрию была убита, это произошло...

– Когда это произошло?! – заорала девочка. – Тогда, когда я появилась здесь! Я знаю, кто такие Ирристрию! И я одна из них!

Кара обреченно провела взглядом по окружающим их мужчинам, которые настороженно смотрели на нее. Они знали, что Каралан, хоть и приближенная Дана, но никакой власти не имеет и в случае чего жизнь Хели будет стоить гораздо дороже ее. Она также понимала это и ничего не могла сделать – в конце концов она сама хотела, чтобы Архелия обрела власть над окружающими во имя ее выживания. Что ж, Кара могла ею гордиться. Сейчас требовалось только одно – не позволить Дану узнать обо всем этом. У нее перехватило дыхание при одной только мысли о том, чтобы встать на пути своего покровителя. Но выхода не было – в ее обязанностях было отвечать на вопросы Хели так, чтобы она больше их не задавала, и теперь она провалила свое задание. Наказание в любом случае будет страшным. И теперь ей нужно принять решение – позволить Хели узнать правду и тогда у них обоих есть шанс выжить, либо не дать девочке ответов и тогда Хели пойдет к Дану, и Каре точно не сносить головы. Она только не понимала, зачем Хели устраивать этот спектакль при зрителях.

Она глубоко вздохнула.

– Тебя зовут Архелия Ивейн Ирристрию и ты последняя выжившая Ирристрианка. Дан спас тебя при уничтожении твоей семьи.

– Кто их уничтожил? – дрогнувшим голосом спросила Хели.

– Злобный черный пес, который идет по твоим следам. Его зовут Аха...

Каралан не успела договорить – в ее шею вонзился тонкий, изящный клинок с вязью на рукояти, переходившей на лезвие. Хели словно в замедленном сне видела, как из горла ее приемной матери хлынул поток крови, а сама она, широко распахнув глаза, запрокинула голову и рухнула на пол. В бараке поднялся невообразимый шум – часть мужчин высыпала на улицу, пытаясь успеть поймать убийцу, которого никто не видел. Оставшаяся часть так сгрудилась вокруг Хели, что той стало нечем дышать.

Эвакуация

Убийство Каралан ввело Кандир в чрезвычайное положение. Дан был в ярости, и его можно было понять – в крепости подобное случилось впервые. Убийство его приближенного – это был открытый вызов Дану и его порядку. И Хели, и обитатели барака сошлись во мнении, что Дану не следует знать при каких условиях была убита Кара и что она при этом говорила.

Лучшие бойцы Дана взяли крепость в кольцо – теперь через стену не могла пролететь и муха – она тотчас же была бы сбита меткой стрелой. Но никто не пытался пересечь границу Кандира, и Дан начал расследование среди населения. Хели в день убийства была переселена обратно в замок под строжайшим контролем целого взвода лучших его воинов.

Дан силился понять, почему Кара была убита именным клинком Архелии и мог только предположить, что это прямой намек на связь между убийством и девочкой. Порой в его голову закрадывались мысли о том, что Хели сама могла убить свою мать, а остальные лишь покрывали ее. Но, глядя на убитую горем девочку, он не мог представить, что она могла это сделать. Также он не мог представить, какой подросток пятнадцати лет мог так хорошо изображать горе. И если она действительно только изображает это – значит, Дан встретил человека, который смог обвести его вокруг пальца.

Эта мысль не давала ему покоя. Долгие годы жизни в качестве политика, убийцы и большого знатока человеческой натуры давали знать о себе черным подозрением по отношению к Архелии. Неужели надменная девчонка достигла таких высот, что смогла повернуть такое дело? Неужели она смогла завоевать такой авторитет среди закаленных песком и солнцем бойцов, пришедших в Кандир с одной целью – обучиться тихому убийству? Эти вопросы не давали ему спать, и в итоге он был вынужден признать, что эта девчонка действительно чего-то стоит.

Дан не раз приходил к Хели и спрашивал ее о том, что она думает по поводу убийства. И каждый раз она так неподдельно рыдала, что Дану хотелось ей верить. Она даже изъявляла желание помочь в поисках убийцы, а при допросах ее соседей – жителей барака, они также рвались помочь "бедной девочке".

В это время Дан был уверен только в одном – он не ошибся в Хели относительно приобретаемой ею властью над людьми.

Второй головной болью Дана был Ахал, который не принимал никаких действий, словно выжидал что-то. От этого Дан начинал нервничать еще больше – он больше не мог посылать разведчиков в Утмас, ибо их по пути перехватывали агенты Ахала и убивали. В попытке на шаг опередить Ахала Дан отдал приказ об эвакуации мирного населения, включая Архелию, в потайную кальдеру.

– Куда? – удивленно спросила Хели, когда ей объявили о переезде.

– Деревня находится в кальдере вулкана Узон, – сказал Тагир, которому было позволено вернуться к общению с девочкой.

У Хели перехватило дыхание от восторга. Конечно, она слышала об этом месте – о тайной деревне, расположившейся в кальдере потухшего вулкана, но она и мечтать не могла оказаться там.

Дан обнаружил скрытую деревню, когда в горах проводил ходы между своими крепостями. Тогда-то его люди с изумлением пробурили гору насквозь и вывалились в цветущую кальдеру. Население Узона враждебно встретило Дана и его людей, но он сумел договориться с ними. Он обещал хранить тайну Узона и защищать деревню в обмен на товары, которые ему могли предоставить жители кальдеры – это были всевозможные продукты, ремесленные изделия, целебные травы, коих в кальдере росло на каждом сантиметре земли, и шерсть.

Кальдера подогревалась естественным теплом вулкана, отчего здесь всегда царило тропическое лето, несмотря на возвышенность. Крутые склоны бывшего жерла защищали долину от ледяных ветров. Благодаря таким условиям в кальдере круглый год буйно цвела растительность, а животные, которых ее жители притащили на эту землю, не знали хищников и плодились на радость владельцам.

Позже Дану удалось выяснить, что люди пришли в кальдеру очень давно – несколько сотен лет назад, они сбежали от войны в надежде укрыться в горах и в самых суровых условиях неожиданно обнаружили идеальное место для жизни. Они обрушили все ходы, которые могли вести в долину из внешнего мира, пока Дан сам не пробурил к ним ход.

Высота и угол, под которым склоны нависали над долиной, не позволяли подняться по ним или, напротив, спуститься. Жители Узона любовно называли долину Каменным Гнездом, над которым гигантская птица раскинула крылья.

И теперь часть жителей Кандира должна была переехать в это гнездо. Жители кальдеры не возражали против свежего населения, однако поставили условие – после эвакуации, возникшей в результате угрозы войны – ходы должны быть немедленно засыпаны.

Стоило Хели представить перспективу провести всю жизнь в запертой со всех сторон долине, как у нее началась истерика. Ее предусмотрительно заперли в комнате и снаружи поставили стражей. Несколько часов она кричала, билась в дверь и плакала, умоляя не отправлять ее в Узон. Но стражи были непреклонны и до Дана ее слова не дошли.

Было принято решение отправлять девочку с третьей волной переселенцев. Дан лично контролировал эвакуацию и ничто не могло укрыться от его взгляда. Он скользил глазами по толпе, хищно сощулив глаза, словно коршун, высле-

живающий добычу. Так оно и было – у него оставалась слабая надежда на то, что убийца выдаст себя. Но ничего подобного не случилось и Хели была вынуждена отправиться в Узон под конвоем нескольких солдат, предупрежденных о том, что девчонка может выкинуть какой-нибудь фортель. Дан знал, что убийца не отправится в кальдеру, из которой нет выхода, поэтому после переселения Архелии в Узон необходимость в страже отпадала. Девчонка также не смогла бы сбежать из каменного гнезда, поэтому одной морокой становилось меньше.

Хели с ужасом смотрела на приближающие склоны горы, под которую они должны были войти. Она ненавидела это место и не могла даже представить – каково это будет – провести несколько часов, будучи со всех сторон зажатой камнем. И чем ближе становилась гора, тем больше она замедляла шаг, пока солдат, ведущий ее, не ткнул ей в спину кулаком. Хели прошипела в ответ что-то ругательное и прикрыла глаза, стараясь не видеть потолок.

Здесь было прохладно и очень темно – если бы не факелы в руках толпы, здесь и вовсе было бы ничего не разглядеть. Каждый шаг под поверхностью горы давался Хели с трудом. Она с отчаянием продумывала план побега, точнее, возврата в Кандир, который теперь казался ей самым чудесным местом на земле.

Каган

В конце концов она решила попробовать – Дана здесь не было, а со стражами в случае провала можно будет договориться. Она стала идти, как можно ближе прижимаясь к людям, идущим впереди. Стражи подпирали ее сзади. Она попросила факел, чадящий так, что она закашлялась.

Ее голова была замотана в платок, так что она могла не опасаться опалить волосы в процессе побега. В какой-то момент Хели наклонила факел пылающей частью назад и ткнула ею наугад, попытавшись сделать вид, будто не удержала его. Позади нее шел стражник, которому факел ткнулся в грудь и подпалил бороду, обронив целую кучу искр, которые ослепили всех, кто шел за Хели. Девочка тут же села и затем, когда пропала из поля зрения стражей, занятых тушением товарища, нырнула в толпу. Стражи принялись кричать и требовать немедленно остановить поток людей, чтобы обыскать их и найти Архелию.

Саму Хели кто-то вдруг схватил за руку и потащил далеко вперед, в то время как стражи обыскивали коридор позади них.

– Каган, – ахнула она, узнав в своем спутнике ночного визитера.

Тот заодно улыбнулся ей, обнажив белоснежные зубы, и продолжил тащить ее.

– Стой, нам не туда!

– Я уверен, что туда, – ответил он и нахлобучил ей на голову здоровенный мешок, наполненный каким-то тряпьем. – Маскируйся.

Эта нехитрая маскировка вполне устроила ее. Она перестала различать дорогу, так как в лицо постоянно тыкались спины и локти. Более высокий Каган, очевидно, видел куда идет. Впрочем, в одном потоке людей было сложно заблудиться и потерять направление.

– Ты с ума сошел, – Хели наконец надоело идти на поводу, и она взбрыкнула. – Мне не нужно в Узон.

– А я уверен, что нужно, – Каган снова белозубо улыбнулся.

– Нет! – она дернула руку, пытаясь высвободить ее.

– Ты же никогда не была в Узоне.

– Оттуда нельзя сбежать! Я навсегда там останусь!

Каган бесшумно рассмеялся.

– Ты просто не знаешь, как оттуда сбежать.

– А ты знаешь?

– Разумеется, иначе не тащил бы тебя туда. Ты ведь хочешь сбежать из Кандира? Тогда следуй за мной и не задавай лишних вопросов.

Хели не стала колебаться – выхода у нее было. Путь назад был закрыт – там всю бесновались стражники, потерявшие девчонку, и теперь они разделились и собирались двигаться вперед. Конечно, скорей всего в Узоне ее найдут, ибо в

одной деревне надолго спрятаться невозможно, но какое-то время она побудет на свободе. Девушка широко улыбнулась, понимая, что снова затевает авантюру, да еще с непонятным пареньком.

Они шли по каменной кишке довольно долго, все это время не размыкая рук. Когда впереди забрезжил свет, Каган натянул платок Хели на половину лица, прикрывая глаза. Она была благодарна за этот жест, ибо солнце, внезапно открывшееся им, ослепило привыкшие ко мраку глаза.

Щурясь, Хели продолжала медленно идти за Каганом, полностью полагаясь на него. Когда она, наконец, смогла разглядеть открывшуюся картину, они уже отошли на приличное расстояние от толпы.

Ноги Хели едва не подкосились от пейзажа, открывшегося перед ней. Это был другой мир. Хели никогда раньше не видела такое количество зеленых деревьев, цветов и лугов, покрытых сочной травой. То есть, зеленую траву она раньше вообще никогда не видела. А здесь она устилала все вплоть до возвышающихся вдалеке краев кальдеры.

Архелия ошеломленно присела и погладила рукой мягкую траву у своих ног. Каган молча наблюдал за ней. Где-то рядом тонко пропела птица. Хели скинула с головы платок, затем сорвала цветок и поднесла к лицу. Каган заметил слезы на ее щеках.

– Почему ты плачешь? – удивился он.

Та всхлипнула.

– Я никогда такого не видела! Это самое потрясающее место на земле! – Хели неожиданно сорвалась с места и как ветер понеслась по траве.

– Стой! – воскликнул Каган и побежал за ней.

А Хели бежала, смеясь и плача от восторга. Остановилась только у берега большого озера с голубой, совершенно прозрачной водой. Она растерянно замерла, глядя на водную гладь.

– Что с тобой? – засмеялся Каган. – Ты никогда не видела озер?

Та помотала головой. Хели всю жизнь прожила в крепости, построенной в скалах, у подножия которых была лишь голая степь. Единственным местом, где была вода – это лохань в общей с Карой комнате. И теперь она была поражена видом раскинувшейся перед ней глади.

– Там можно купаться? – спросила она у Кагана.

– Конечно, можно.

– А раздеваться нужно?

Каган в ответ на это повалился на траву и совершенно неприличным образом рассмеялся.

– Что такого? – нахмурилась Хели.

– Ты просто удивительна, – он улыбнулся и пристально посмотрел на нее, отчего ей стало не по себе, и она отвернулась. – Если хочешь, раздевайся.

Хели решила, что Каган издевается над ней.

– Ты ведь не умеешь плавать? – спросил он.

Хели неопределенно подернула плечом.

– Когда устроимся тут, я могу научить тебя плавать. Что за убийца, что топором идет на дно? – он снова рассмеялся.

– Я не убийца, – Хели по примеру Кагана уселась на траву и стала грызть какой-то стебелек.

– Но тебя же тренировали.

– Я никогда не убивала, – призналась девушка.

– Но ты сможешь постоять за себя?

– Могу, но на меня никогда по-настоящему не нападали, поэтому...

– Поэтому ты скорее всего не сможешь отбить внезапный удар?

– Ты хочешь проверить это? – раздраженно спросила она.

– Я хотел бы проверить это. Потому что тебе нельзя умирать, потому что ты должна уметь защитить свою жизнь, потому что когда-нибудь рядом с тобой не окажется тех, кто сможет прикрыть тебя.

– Зачем кому-то убивать меня? – Хели пожала плечами, втайне надеясь разговорить Кагана.

– А зачем кому-то было убивать ближайшего к тебе человека? – Каган неожиданно затронул тему убийства Каралан. – Может быть, хотели добраться до тебя?

– Мы уже никогда не узнаем этого, – философски изрекла Хели и, повернувшись к Кагану, легла животом на траву, задрала ноги и подперев голову руками. – Расскажи все, что ты знаешь обо мне.

– Это будет дорого стоить, – ухмыльнулся он. – Ты же знаешь, информация в нашем мире – вещь очень дорогая.

– Но у меня нет денег!

– Что, если они когда-нибудь у тебя появятся?

– Хочешь сказать, что будешь таскаться за мной до старости?

– Вовсе нет, это ведь ты будешь таскаться за мной, чтобы узнать хоть что-то о себе.

Хели закипела. Что он себе позволял?! Однако нельзя было не признать его правоту – это она находится в зависимом положении.

– Ты ведь хотела сбежать отсюда, верно? – снова подал голос Каган. – За это тебе также придется платить. Но, пожалуй, мне будет достаточно узнать, куда же ты собираешься после Узона?

Хели встала и нервно пнула траву под ногами, будто она в чем-то провинилась. Ей придется быть откровенной с этим парнем, иначе он просто испарится, как тогда, под дождем.

– Мне часто снится один сон, в котором я вижу большую гору, похожую на... – она закусил губу. – Похожую на дракона. Мне нужно туда.

– Зачем? – удивился Каган, однако Хели вдруг заметила трещину в его непробиваемой маске беззаботности.

– Не знаю, но меня зовут туда.

– Кто зовет?

– Голоса.

Каган снова усмехнулся. Архелию уже начали раздражать постоянные насмешки.

– Да ну тебя! – она вскочила и зашагала в противоположную от озера сторону. Теперь даже чистое, голубое небо над головой и обилие зелени вокруг не радовало. Ее душили слезы злости на Кагана, на Дана, на Кару, на весь мир, в конце концов, который словно ополчился против нее.

И теперь над ней постоянно смеется единственная ниточка к прошлому. Да будь он проклят, если думает, что сможет вертеть ею как захочет! Хели прекрасно разберется и без него. И даже сможет сбежать из Каменного Гнезда, пусть и придется содрать руки в кровь на этих склонах. В конце концов, месяцы тренировок в скалах не должны пропасть даром. Единственное, чего она на самом деле не знала – куда идти после Узона. Гора в форме дракона, конечно, хороший ориентир, но что, если она находится в таком месте, куда не сможет добраться ни один человек, и никто не сможет указать направление туда.

Примерно минуту Каган смотрел, как Хели удаляется от него. Он рассчитывал, что девчонка все-таки развернется к нему и сдаться, ибо в его руках были все козыри. Но нет, гордая принцесса продолжала шагать по траве в своих обмотках. Каган чертыхнулся, вскочил и побежал за ней. Ему нельзя терять ее доверие.

– Постой же ты!

Но Хели не собиралась больше терпеть его и наглядно

продемонстрировала это, кинувшись на него со своим кинжалом. Каган ловко ухватил ее за кисть и завернул руку ей за спину, отчего Хели рухнула на землю, орошая ее злыми слезами.

– Если скажешь, что собиралась сделать, я прощу тебя, – сказал он, без труда удерживая ее прижатой к земле. Для верности он также уперся коленом ей в спину, заметив при этом, что девчонка весьма тощая.

– Убить тебя, – прорычала Архелия в траву.

– Хочешь, научу, как убивать людей? – прошептал ей на ухо Каган, склонившись к ней.

Он легко отпрыгнул от нее и выжидающе встал. Хели молча поднялась и стала тереть руку, исподлобья глядя на него.

– Ты хотя бы знаешь, где сердце? – он подошел к Хели и, взяв ее руку, приложил к своей груди, туда, где билось сердце. – Здесь.

Архелии захотелось провалиться сквозь землю. Еще никогда она не была в таком близком контакте с мужчиной и ей тут же захотелось отомстить ему за ее смущение. Одним движением она высвободила свою руку, присела, крутнулась на месте, и, оказавшись, за его спиной, приложила клинок к его горлу, заодно поцарапав кожу, чтобы выступила кровь. Каган театрально вздохнул и медленно повернулся к ней, попутно отведя ее руку от своей шеи.

– Неправильно. Ты же ниже меня, даже не сможешь прицелиться в нужное место, да и сил у тебя не хватит ковыр-

нута кого-нибудь ножом на такой высоте. Кто вообще учил тебя так пользоваться клинками? – он смотрел на нее сверху вниз, придерживая ее руку, в которой она держала кинжал. – У тебя есть лук. Пользуйся им, пока не научишься правильно владеть оружием, – он старался, чтобы его голос звучал ровно и Хели вдруг не решила бы, что он издевается над ней. Но Архелии этого было мало и в этот момент она решила когда-нибудь подстрелить Кагана из своего лука. В руку или ногу – будет не смертельно, но очень неприятно.

Каган кашлянул, привлекая внимание задумавшейся Хели.

– Где твой лук?

Хели очнулась от мечтаний и вдруг вспомнила, что все пожитки несли стражи, сопровождавшие ее. Она кинула отчаянный взгляд на дыру в горе, из которой продолжали идти люди.

– Не беспокойся, мы все найдем.

– Ты должен показать мне, как сбежать из Узона.

Каган повернулся к краям кальдеры, которые хищно нависали над долиной.

– Нужно просто подняться по краям наверх.

Архелия проследила за его взглядом.

– Но... там же отвесные пики, они загигают. Это невозможно.

– Если ты не пробовала, это не значит, что это невозможно. В конце концов, ты должна уметь карабкаться по любым

поверхностям. Даже по таким.

– Я никому ничего не должна, – огрызнулась та.

– Ну а пока ты должна вернуться в деревню, – не обращая внимания на ее слова, сказал Каган. – Мне нужно осмотреть склоны, чтобы выбрать наиболее удобное место для подъема. Это займет не один день.

– А тебе зачем сбегать отсюда? – поинтересовалась Хели.

Каган задумался. Или сделал вид, что задумался.

– Я хочу свободы.

– Куда ты пойдешь?

– Я хочу прийти туда, где буду востребован.

– Как убийца?

– Конечно, – усмехнулся он. – Меня учили не землю возделывать, а вспаривать глотки и, поверь, у меня это получается просто превосходно, – он на секунду задумался, словно колебался перед тем, как что-то сказать. – Я хочу отправиться в Утмас, – наконец сказал он.

Хели встрепелась.

– Почему туда?

– Я слышал рассказы об этой стране и мне хочется побывать там. Утмас богат, его жители весьма щедры, поэтому я смогу хорошо заработать там. Если ты научишься владеть оружием, возможно, и тебе найдется работа, – хмыкнул Каган. – Я не хочу выполнять ничьих приказов.

– Мне нужно совсем не это, – Хели закусила губу. Если опустить все недостатки Кагана, то стоило признать, что он

– отличный попутчик. А Утмас – страна ее мечты и она, пожалуй, не меньше Кагана хотела там побывать. Но ее ждала драконья гора, которая к тому же, неизвестно где находится. Возможно, она и вовсе никогда не сможет достичь ее. А Утмас мог стать отличной целью, ведь больше идти некуда. А с Каганом она наверняка не пропадет.

– Я хочу отправиться с тобой в Утмас, – наконец решилась она.

Каган удивленно вскинул брови.

– Это ты хорошо решила. Надеюсь, с тобой ничего не случится по дороге, – засмеялся он, поймав кинжал Хели, который она метнула в него после его слов.

Архелия и Каган были вынуждены прийти в деревню, где Хели тотчас нашли бледные от страха стражи. Они были так рады найти ее, что даже не устроили ей выволочку. Девочку подселили к немолодой семейной паре, у которой не было детей. Подслеповатый старик ощупал руки Хели и вынес вердикт – недоедание. В доме тотчас были организован богатый ужин, на который Хели решила пригласить Кагана, который снова собирался исчезнуть. Старик не возражал против молодой компании – очевидно, ему осточертело общество такой же древней старухи, которая за все это время ни разу не встала со своего кресла у камина, пляясь в огонь.

– Не убегай больше, – Хели ткнула локтем Кагана, когда он, сидя слева от нее, подносил ложку ко рту. Содержимое ложки выплеснулось ему на колени. – Так тебе и надо.

– Невыносимая, – прорычал Каган, пытаясь полотенцем со стола стереть суп со своих штанов.

– Чтобы такого не случилось, надо делать так, – Хели пальчиком указала на свои колени, поверх которых было постелено полотенце. – Это называется этикет.

– Тебе напомнить, что меня учили убивать, а не правильно держать ложку? Это значит, что я могу убить тебя этой самой ложкой так быстро, что ты и моргнуть не успеешь.

– Ты не убьешь меня, – самодовольно произнесла Хели.

– Почему бы и нет?

– Тебе ведь что-то от меня нужно, правда? Иначе ты не таскался бы за мной и не согласился бы взять с собой в долгий путь до Утмаса девчонку-неумеху?

– Пожалуй, ты права, – кивнул Каган. – За одним исключением – не больно-то ты мне и нужна.

Молодой человек успел достаточно изучить Хели, чтобы жать на те рычаги, что приведут его к известной ему одному цели. Теперь он понял, что, задирая ее, он подталкивал ее к ответным действиям, что только укрепляло связь между ними. Что и было ему нужно.

– Ты же сам сказал, что у меня есть волшебная сила! – Хели не удержалась и снова толкнула его локтем. На сей раз он предусмотрительно увернулся. – И что я императорская дочь!

– Ну и что с того? – пожал плечами Каган. – Твоя страна разрушена и тебе никогда не сумеешь снова занять трон. Я бы

посоветовал тебе раскрыть твою силу и дальше пользоваться ею для своего блага.

– Как мне ее раскрыть, если я даже не знаю, что это?

– Слыхал я о существовании могущественных магов в одном местечке.

– Что за местечко?

– Утмас! Неожиданно, правда? – Каган засмеялся, уворачиваясь от рассерженной Хели. – Если точнее, то они живут в Аламгире, в крепости тамошнего правителя. Если ты отратишь волосы, наденешь платье и начнешь вести себя чуточку приличнее, возможно, тебе удастся договориться с ним, – теперь Каган смеялся в голос, когда Хели пыталась скинуть его со стула. Старик, сидящий напротив них, добродушно улыбался, глядя на эту возню.

– Молодые люди, – скрипучим голосом сказал он, – сегодня на площади устраивают приветственный праздник в честь новоприбывших. Думаю, вам будет интересно посетить его. Там будет большой костер, танцы и много молодежи, с которой вы можете познакомиться.

– Отличная идея, – обрадовался Каган. – Пожалуй, стоит стряхнуть с себя унылую пыль Кандира, как считаешь? – спросил он у Хели. – Потанцуем?

– Я не танцую, – рыкнула та и, поблагодарив старика за ужин, принялась убирать за собой посуду.

– Оставь, – сказал тот. – Лучше помирись с другом, он, кажется, расстроен, – лукаво добавил старик.

– Он мне не друг.

– К сожалению, мои крови недостаточно голубые, чтобы я мог быть в друзьях у принцессы, – развел руками Каган, не спешивший вставать из-за стола.

Старик либо не расслышал его, либо не обратил внимание на его слова.

Архелия решила прогуляться по деревне и затем выйти к площади, где к тому времени должен был начаться праздник. Ей хотелось побывать на нем, ибо в Кандире праздники устраивали редко. Что касалось танцев – Кара учила ее некоторым, в том числе достаточно неприличному. Это был танец для единственного мужчины, как говорила Кара, делая ударение на слово "единственный". Хели сомневалась, что когда-нибудь станцует его.

Выйдя на улицу, она огляделась. Дома здесь были сплошь глиняные – для защиты от пожаров или на случай нападения, если вдруг кто-то с краев кальдеры решит пустить огненную стрелу. Девочка задрала голову – края были далеко и располагались на очень большой высоте – скорей всего стрела бы не долетела, потухнув в полете. Утоптанная земля состояла из глинистой породы и песка. Кое-где, вплотную к домам, росла трава и небольшие кустики. Дом, в который поселили Хели, располагался едва ли не на отшибе, и людей здесь было мало. Но чем дальше она продвигалась вглубь деревни, тем больше народу толклось вокруг нее и Хели решила погулять несколько другим путем – более привычным для нее. Она

прошла в узкий переулочек между домами, настолько узкий, что пройти там мог только один человек. Дома здесь были невысокие, одноэтажные, и для Хели не составило труда залезть на плоскую крышу.

Уперев руки в бока, она огляделась – перед ней расстилась вся деревня. Какие-то дома были чуть выше, какие-то чуть ниже, но в целом ничто не мешало ей спокойно пробежаться по ним от одного конца деревни до другого. Место, где дома расступались, очевидно, и было площадью. Сейчас на ней собирали большой костер, и вообще там суеилось очень много народу.

И Архелия снова как ветер понеслась по крышам, даже не думая о том, что может упасть и свернуть себе шею. Здесь она была одна, скрытая от взглядов, а вокруг было много свободного пространства – все именно так, как она любила. Ее ловкость позволяла ей вовремя перенести ногу туда, куда следовало, чтобы не упасть, а руки вовремя цеплялись за козырьки. Ей нравилось это ощущение свободы. Ну и что, что она заперта в этой калдере – долина очень большая и вряд ли быстро надоест. К тому же здесь много интереснейших вещей – например, густой лес и большое озеро. Наверняка здесь обилие непуганых животных, на которых она сможет охотиться, принося тушки старику в качестве оплаты за проживание. А Каган научит ее плавать и ловить рыбу, раз уж он такой умный. Словом, впереди были только самые приятные перспективы. И никакого проживания в душных бараках.

Набегавшись и напрыгавшись по крышам, Хели утомленно упала на какую-то, прогретую солнцем крышу поближе к площади и, подложив руки под голову, уснула.

Спала она долго – день выдался трудным. При этом сон был комфортным, словно она спала на подушке, укрытая одеялом. В голове Хели прозвенел звоночек – откуда на крыше взяться одеялу и подушке? Она молниеносно вскочила и зашаталась, пытаясь протереть глаза. Она и правда была укрыта теплым плащом, а под ее головой лежала смотанная в клубок ткань. Над головой раскинулось черное небо, усыпанное звездами, а вокруг стоял такой шум, что она удивилась, как проспала столько времени. На площади уже давно шло гуляние – горел костер, выбрасывая в небо целые снопы искр, а вокруг него водили хороводы молодые люди, которые немало приняли на грудь, судя по их смеху. Те, что постарше, предпочитали сидеть за длинными столами с множеством яств и распевать песни.

Но больше всего Хели удивил черный силуэт спины человека, который сидел на краю крыши неподалеку от нее, уставившись на пламя костра.

– Каган? – до нее запоздало дошло, что это он накрыл ее и вообще создал все удобства, чтобы она выпалась на крыше.

– Я думал, ты умерла. Невозможно спать, когда вокруг такой шум, – он показал на танцующих людей.

– Спасибо за... – она опустила взгляд на плащ и сверток какого-то тряпья, пытаясь охарактеризовать это.

– Не за что. Плащ можешь забрать себе – для меня здесь по ночам тепло.

– А зачем тебе был нужен плащ по ночам? По ночам нужно спать, а не шататься под плащом неизвестно где.

– Обычно я сплю по ночам, – хмыкнул он.

– Тогда зачем тебе плащ?

– Я не сплю в кроватях. Я сплю там, куда в конце дня меня принесут ноги.

– Как бездомный?

– А у кого из нас есть дом? – равнодушно поинтересовался Каган и отхлебнул из припрятанной фляги. – Хочешь? Это местное вино из каких-то трав. Неплохая вещь.

– Где ты ее взял? – Хели накрылась плащом, так как с заходом солнца на крыше стало прохладно, и подошла к Кагану.

– Старик поделился.

Она раньше пробовала вино, поэтому без опасений пригубила фляжку. Теплое, терпкое вино с ароматами долины понравилось ей. Первый же глоток наполнил ее теплом, и она подумала, не скинуть ли плащ. Но бросив взгляд на Кагана, который, впрочем, даже не смотрел на нее, она решила только крепче замотаться.

Плотная ткань пахла костром и травой, и Хели стало интересно – пахнет ли также Каган. Впрочем, проверять это она не собиралась.

– Здесь хорошо, – сказала она, усевшись рядом с парнем.

Каган ничего не ответил. Он продолжал неподвижно смотреть в огонь. Хели была в ступоре – его поведение сильно отличалось от того, что было днем, и теперь она не знала, как разговорить его. Незаметно пожав плечами, она уставилась на празднующих людей.

– Ты хотел танцевать, – наконец сказала она. – Там много молодых девушек, которые не откажутся от твоего общества, – она подумала про его внешность и смутилась, впервые оценив его как представителя противоположного пола. Каган был выше большинства здешних парней и, конечно, сильнее, ловчее и быстрее, ведь все они – всего лишь ремесленники и пастухи, которым не нужно придумывать, как быстрее убить человека. Хели также подумала, что он опасней их всех вместе взятых. И хотя сейчас его черные глаза безучастно смотрели поверх голов, Хели знала, что он готов в любое мгновение сорваться с места.

Идеальный попутчик – снова подумала она.

– Эти девицы совершенно неинтересны, – Каган снова отхлебнул вина и Хели подумала – сколько он уже так сидит и хлебает алкоголь?

– Полагаю, на одну ночь они сойдут, – съязвила она.

– Тогда и вовсе нет смысла морочиться с ними.

– Ты что же, мечтаешь о семейной жизни, домике и детях, копошащихся вокруг тебя? – насмешливо спросила Хели, своим тоном рассчитывая вызвать хоть какую-то реакцию. Она хотела вернуть того насмешливого, беззаботного

Кагана, который сегодня вечером задирал ее за ужином.

Но Каган не повелся и на это.

– Эй, что с тобой? – она помахала рукой у него перед лицом. – Первая ночь в Узоне, а ты уже словно хоронишь кого-то.

Каган вздохнул и искоса посмотрел на нее, криво улыбувшись при этом.

– Что если я хороню себя?

– Рановато, – Хели попыталась бодриться, но это настроение Кагана пугало ее – она уже привыкла к мысли, что он – сильный, неунывающий и просто непробиваемый. А теперь вдруг выясняется, что он может вести себя как плакса. В попытке спровоцировать его, она спрыгнула с крыши, отбив при этом ступни из-за алкоголя, который нарушил ее координацию. Охнув, она направилась к столам, стоявшим по периметру площади. Хели бросила взгляд за плечо – Каган не сдвинулся с места, только его глаза блеснули – то ли от алкоголя, то ли от бликов костра.

За ближайшим же столом Архелию радушно приняли, усадили и стали настойчиво пичкать едой, попутно суя ей в руки стакан с вином. Никто не спрашивал кто она такая, как ее зовут и почему у нее такие светлые волосы и ее это устраивало. Она решила забыть о странном поведении своего случайного знакомого и повеселиться. Ведь кто знает, когда у нее еще будет повод расслабиться?

За столом бурно смеялись, обсуждая что-то, периодически-

ски кто-нибудь опрокидывал свой стакан и по без того заляпанной скатерти разливалось новое багровое пятно. Музыканты старались так, что едва не рвали струны на своих инструментах – захмелевшая толпа бесновалась вокруг костра. Архелию кто-то попытался вытащить из-за стола потанцевать, но она с такой силой вцепилась в стол, что у пьяного танцора не хватило сил даже поднять ее. Но даже эта атмосфера бесшабашного праздника не смогла отвлечь Хели от мрачных мыслей.

Каган не выходил у нее из головы. Она вдруг подумала, что ничего не знает о нем и даже не пыталась что-либо узнать. Два бокала вина, которые она выпила, придали ей решимости и она, покачиваясь, встала из-за стола и направилась к дому, на крыше которого застыла фигура ее знакомого. На полпути ей в голову пришла одна мысль и она, вернувшись к столу, взяла жирную ножку индейки и уже с ней потащилась к дому. Подойдя к нему вплотную, она задрала голову и поняла, что ни за что не заберется на крышу. Она попыталась сфокусировать взгляд на Кагане, который, вроде бы смотрел на нее, и поняла, что земля уходит из-под ног.

Стоило ей открыть глаза, и она увидела пристальный взгляд Кагана, который изучающе смотрел на нее.

– Это что, мне? – он насмешливо поднял руку Хели, в которой она крепко держала жареную птичью ногу, уже обваленную в песке.

Архелия сидела, привалившись к стене того же дома, на

крышу которого она рассчитывала подняться. Каган стоял прямо перед ней, улыбаясь во весь рот. Ну что ж, она, по крайней мере, развеселила его, упившись при этом как последний пьянчуга.

– Тебя не учили, что пить в компании незнакомых людей нельзя? – поинтересовался он, не делая попыток поднять девчонку.

– Т-ты тоже незнакомый!

– Но мне ты доверяешь! – рассмеялся Каган и присел напротив девушки.

– Увы, – кивнула та.

– Ты хочешь познакомиться поближе?

– Н-не очень близко, – она демонстративно подняла руку и попыталась дотянуться до Кагана, чтобы оттолкнуть его. Рука упала, не дотянувшись. – Я хочу на крышу, – хныкнула она.

– Предлагаешь затащить тебя на крышу? Запросто, – он резко обхватил ее и поставил на ноги, хорошенько встряхнув при этом.

– Н-нет! – возразила Хели, попытавшись вывернуться из его объятий. – Лучше пойдем на луг!

Каган недоверчиво отпустил ее, размышляя, сможет ли она вообще идти.

– Может, спать?

Архелия вытаращила на него глаза.

– За кого ты меня принимаешь?!

Каган закатил глаза и решил набраться терпения для дальнейшего общения с принцессой.

– Спать, это значит спать. Одной. Спать и трезветь. Я отведу тебя к старику.

– Н-ни за что! Я хочу на луг! – Хели сопротивлялась так, что Каган решил обойтись малой кровью и отвести девчонку куда она просит, хотя, разумеется, было проще просто бросить ее здесь – жители отведут куда надо.

Каган сделал несколько шагов и обернулся на Хели, которая, придерживаясь стены, пыталась шагать за ним. Посмотрев на эту картину пару секунд, он решительно подошел к девушке, перехватил ее руку, закинул себе на плечо и, придерживая ее за талию, направился к окраине деревни.

Архелию это, по-видимому, устроило, так как она не сказала ни слова. Но после того, как они прошли несколько домов, Каган понял, почему она молчала – все это время ее попросту мутило и, наконец, ее вывернуло в ближайший переулок.

– Потрясающе, – прошептал он так, чтобы Хели не услышала. – Теперь нам на озеро.

– Зачем? – удивилась Архелия.

– Посмотри на себя, – Каган демонстративно зажал нос. – Я не могу позволить, чтобы этот добродушный старик, который на свою голову принял тебя в своем доме, увидел в таком состоянии.

Архелия попробовала обидеться на его слова, но у нее

ничего не получилось. Дальше она шла, широко улыбаясь и позволяя ему периодически крепче перехватывать ее талию, так как земля немилосердно качалась и без поддержки Хели рисковала свалиться.

Озеро встретило их гладкой черной гладью, в которой отражались звезды. Хели довольно жмурилась от этой звенящей тишины, пока Каган тащил ее к берегу. Но как только они подошли к нему Каган без лишних предисловий столкнул пьяную девушку в озеро.

Архелия протрезвела, как только ее с головой накрыла холодная вода. Мотая головой и отплеываясь, она вскочила и со всей яростью обрушилась на парня, которого изрядно веселило происходящее.

– Мерзавец! – орала она, пытаясь поколотить его, но тот лишь смеялся в голос и без труда уворачивался от ее кулачков.

– Я предлагал тебе пойти спать, но ты отказалась! В следующий раз будешь умнее и станешь слушаться меня с первого раза, – гоготал Каган.

Тут Хели потеряла равновесие и шлепнулась в воду, которая доходила ей лишь до плеч. Мокрая одежда неприятно липла к телу. Вода теперь казалась теплой, и девушка не торопилась выходить.

Каган задумчиво навис над ней.

– Теперь ты останешься тут?

Хели обхватила плечи руками.

– Холодно, – пожаловалась она – весь ее гнев испарился.

– Если продолжишь сидеть в воде – теплее тебе не станет.

Вставай и снимай одежду, – Каган развернулся к берегу и зашагал к своему плащу. – Я прикрою тебя плащом.

– Вот еще, – Хели поднялась и зашагала к деревне совсем как сегодня днем.

Но Каган и не думал сдаваться – схватив плащ, он подбежал к Хели и, несмотря на сопротивление, крепко обмотал плащом. Глядя на то, как она пытается выбраться из этого безобидного куска ткани, он принял единственное верное на его взгляд решение – взвалил обмотанную словно кокон девочку себе на плечо и бодро зашагал к деревне.

Хели заткнулась только когда они подошли к ее дому. Несмотря на злость, она осознавала, что пожилая семейная пара ничем не провинилась и не заслужила слушать ее вопли. Каган поставил Хели перед дверью, по-прежнему крепко держа ее и постучал. Старик, очевидно, не спал, а потому быстро открыл дверь и слегка удивленно посмотрел на насупленную Хели с мокрой головой и решительного Кагана.

– Как... развлеклись? – вежливо спросил он.

– Неплохо, – Каган втолкнул Хели в проем и попрощался.

Наутро Хели было стыдно так, что она готова была провалиться сквозь землю. Все это случилось только потому, что ей было так просто общаться с Каганом, черт бы его побрал. Она позволила себе расслабиться и в результате не может смотреть в глаза ни старику, хозяину дома, ни Кагану, кото-

рый к ее счастью не появлялся.

Вдобавок страшно болела голова. К завтраку Хели вышла в то время, когда завтрак плавно перетекает в обед. Старик понимающе хмыкнул и налил ей холодный травяной чай, кружку с которым Хели осушила залпом и попросила вторую.

– Познакомилась с кем-нибудь? – спросил старик, усаживаясь за стол.

Хели помотала головой.

– Мне вон его, – она неопределенно махнула рукой на дверь, – вот так хватило! – она выразительно провела пальцем у своей шеи.

Старик неожиданно рассмеялся сухим, скрипучим смехом.

– Вы такая чудесная пара.

Хели едва не подавилась чаем.

– Мы не пара.

– Очень жаль, – он назидательно поднял палец. – Если ты встречаешь человека, с которым вы так хорошо понимаете друг друга, вам следует подумать об отношениях. Уж поверь мне, старику, прожившему целую жизнь.

Его слова натолкнули Архелию на размышления – почему ей так просто общаться с Каганом? Возможно, потому, что он старше ее всего на пару лет? Или может быть, потому, что они похожи? Чем похожи? Оба без прошлого и, скорей всего, без будущего, оказавшиеся в Кандире волей судьбы. Они

оба хотят сами распоряжаться своей жизнью. И все это еще не значит, что им нужно жениться – при этой мысли Хели невольно поморщилась.

– Пойду к озеру, – сказала она старику и, прихватив лук и колчан со стрелами, вышла из дома.

Шойо

Стоял полдень – в деревне было тихо, то ли все приходили в себя после вчерашнего праздника, то ли ушли работать. Головная боль Хели стала проходить. Она неторопливо шагала к озеру под ярким солнцем. Стало жарко, и она решила заодно искупаться в озере без посторонних глаз. Еще она надеялась как можно дольше не встречать Кагана, при мысли о котором начинала винить себя в своем разнузданном поведении прошлой ночью.

Без приключений добравшись до озера, Архелия принялась искать заросли погуще. Людей и здесь не было, словно деревня вымерла. Тишину этого места периодически нарушали всплески воды от лягушек, их же утробное кваканье и крики птиц в зарослях. Пройдя приличное расстояние вдоль берега, Хели таки нашла укромное местечко. Здесь начиналась линия роста деревьев и кустов, так что заметить ее будет сложно даже вблизи. После купания можно будет поохотиться на водных птиц, коих тут были целые стаи.

Но стоило Хели начать раздеваться, как она услышала свист, доносившийся с дерева.

– Ну зачем ты это сделал? – раздался недовольный голос, который Хели как будто бы слышала раньше.

– Она бы пристрелила нас, если бы обнаружила, что мы подсматриваем, поверь мне, – сказал Каган откуда-то из ве-

ток.

Хели тут же вспыхнула – и здесь он!

– Эй, принцесса! – крикнула незнакомка, сидевшая с ним на ветках. – Далеко собралась?

Хели пронзило озарение – девушка, сидевшая с Каганом на дереве – это Шойо! Ну, если они оба сговорились доставать Архелию, то ей лучше сразу скрыться из их поля зрения. Но стоило ей сделать шаг, как перед ней в землю вонзилась стрела – эдакий намек, что дальше ей идти не следует. Она выхватила стрелу из земли и молниеносно выстрелила ею обратно в ветки. Она услышала, как Каган чертыхнулся и понадеялась, что попала ему в какую-нибудь конечность.

И вообще – что здесь делает эта глупая шаманка? Хели искренне надеялась, что ее убьют в Кандире, но вот, пожалуй-ста, она в Каменном Гнезде, да еще знакома с Каганом. Прелестно. Шагая дальше по берегу, Хели размышляла – откуда в ней появилось это противное ощущение, что раз теперь у Кагана появился такой собеседник, как Шойо – он больше не будет уделять столько времени ей, Архелии.

Она злобно пнула подвернувшийся камешек. Она снова одна и, возможно, это к лучшему. Пусть эта Шойо катится в преисподнюю, где ей самое место.

Хели остановилась, только пройдя приличное расстояние и убедившись, что эта пара ее не преследует. Но раздеваться она все равно не станет – искупается в одежде, благо на жарком солнце та быстро высохнет.

Хели попробовала научиться плавать, но у нее ничего не получилось. В который раз она с досадой помянула Кагана, который сейчас пришелся бы как нельзя кстати. Купаться в одежде было неудобно и неприятно, и в итоге Хели, разочаровавшись во всем подряд, вышла на берег и улеглась на траву, устремив взор в небо. Над ней шумели деревья, создавая тень, так что она могла лежать на спине, подложив руки под голову.

Впервые с побега от стражей она подумала о том, что теперь будет с Кандиром и с Даном, который, как-никак, а был ей отцом одиннадцать лет, пусть и последние годы он был довольно плохим родителем. Ей придется узнать правду о том, кто похитил ее, а семью убил.

Она напрягла память, пытаясь восстановить смутные образы, которые были последними воспоминаниями ее прошлой жизни.

Но все, что помнила – это очень высокие потолки, изысканно декорированные стены и женский смех где-то за пределами поля зрения. Все это было и в Кандире – высокие потолки, смех Кары. Так что единственным ее воспоминанием остались пресловутые богато украшенные стены. Ни лиц, ни имен, ни событий.

Тогда Хели стала вспоминать все, что смогла найти в книгах Умана об Ирристрианцах. Информации было очень мало. Они правили Тураном много столетий, их род заступил на трон задолго до войны драконов. Архелия знала историю

драконицы Азери и пришла к выводу, что магическая сила, о которой говорил Каган, была наследством Азери.

Но сила никак не проявляла себя, поэтому Хели решила забыть о ней до прибытия в Аламгир, а потому снова попыталась сосредоточиться на воспоминаниях о семье.

Ничего не получалось. В книгах не описывался состав ее семьи, разве что отличительные признаки принадлежности к роду – голубые глаза и золотые волосы. Единственная золотоволосая девушка на всю страну. Хели невольно подумала, что здесь она выигрывает у тощей, скуластой, черноволосой Шойо. Впрочем, сама Архелия также особенно не отличалась фигурой.

Вдруг ей в голову пришла мысль побывать на пепелище ее родового замка. Это ведь ее страна – там должны быть люди, которые признают ее, ее подданные. Возможно, она даже сумеет вернуть власть, хоть и не представляет каково это – править страной.

Размечтавшись, Хели незаметно уснула под шум листвы. Сон, который она увидела, уже повторялся много раз – драконья гора и бормочущий шепот. Но теперь она вдруг ощутила страшную тоску и такую тягу к этому месту, словно ее тащили туда канатом.

Хели испуганно раскрыла глаза – в ее голове билась одна-единственная мысль – бежать, скорей добраться до горы. Проспала она недолго – солнце не успело зайти, и она помчалась к краям кальдеры, будто надеялась немедленно взо-

браться по ним и устремиться навстречу месту из сна.

Шойо сидела, блаженно закрыв глаза и свесив ноги с небольшого деревянного мостика в воду. В паре метров от нее Каган отлаживал свой лук. Шойо чувствовала, как чистая энергия воды вливается в ее тело, как и энергия ветра, который слегка трепал ей кончики волос. Кальдера стала ее раем – здесь было полно растений, живности и свежего ветра, она чувствовала каждый сантиметр этой земли, которая столь радушно приняла ее. Вдруг Шойо раскрыла глаза, уставившись куда-то вдаль.

– Амари идет к склонам.

Каган пристально посмотрел на Шойо:

– Зачем?

– Собирается бежать, – пожала плечами та.

– Сумасшедшая, – выругался тот и бросил лук, – идем.

Шойо задорно улыбнулась, схватила Кагана за руку и побежала. Она знала, куда идти и вела юношу к Архелии, которая к тому моменту успела добраться до склонов и теперь пораженно стояла, оглядывая картину, которую еще ни разу не видела вблизи.

Склоны кальдеры были усеяны гигантскими каменными шипами, которые издали сливались в одно целое. Хели могла бы пробежаться по одному такому шипу, если бы, конечно, смогла забраться на него. Камень здесь был словно пористый, от того сильно шершавый – упади с него, и он снимет с тебя три шкуры. Но в его пористости на взгляд Хели

был плюс – можно было почти не опасаться соскользнуть. Хели попробовала забраться на самый низкий шип – у нее получилось, и она ликующе подошла к самому его острию, что и стало ее ошибкой – масса камня не выдержала и осыпалась, увлекая за собой девушку. Здесь было не настолько высоко, чтобы разбиться, но достаточно для того, чтобы свернуть себе шею. Хели спаслась тем, что вовремя сгруппировалась, однако ее руки и щека теперь были сильно ободраны.

– Вот как, – рассердилась она на сыпучий камень. Снова окинула взглядом вздымающиеся над ней шипы – теперь проблема побега предстала перед ней во всей красе – камень был хрупким и легко обламывался. Она просто не доберется до вершины.

И Каган знал, как подняться по этим шипам, иначе не был бы так нахально самоуверен. В чем же секрет? Она стала прикидывать, как можно воспользоваться веревками и "кошками" при подъеме. Страховка здесь невозможна, да и Хели не пошла бы на это, привязывая себя к Кагану. Если он сорвется – она выживет. Если сорвется она... но об этом лучше не думать. Но в голову все-таки просочилась мысль о том, что Каган так или иначе нашел бы способ спасти ее.

Хели снова подошла к шипу, забралась на него и стала осторожно давить ногой на его края, проверяя прочность. Камень проверку на прочность не прошел, осыпавшись после первого же сильного толчка так, что Хели едва не навернулась.

– Проклятье, – она села у самого широкого места этого образования – у основания шипа и стала думать. Крепкое здесь только основание, края очень сыпучие – "кошки" бессильны – они просто свалятся вместе с краями. Хели пришла к выводу, что при первом подъеме ей просто повезло. Рисковать так на большой высоте она не будет.

Затем она погрузилась в размышления о происхождении этих загадочных шипов. Она полагала, что природа здесь вполне могла обойтись своими силами.

– Архелия! – крикнул кто-то снизу.

Хели осторожно наклонилась, чтобы посмотреть. Узкоглазая Шойо, черт бы ее побрал. Но вместе с ней был Каган, чье лицо выражало крайнюю озабоченность.

– Осторожно спускайся, – сказал он и подошел ближе к месту, с которого предположительно должна была свалиться Хели.

– Ты собрался меня ловить? – поинтересовалась та, начав цепляться за выступы камней, чтобы спуститься.

– Я бы отказался от этой идеи, если бы ты больше ела, – сострил тот в ответ.

– Ей понадобится побольше есть, чтобы вынести дорогу до Утмаса, – скорчила рожицу Шойо.

Хели благополучно спустилась к ним и встала, скрестив руки на груди и упершись в них подозрительным взглядом.

– Как вы меня нашли? – потребовала ответа она.

Кагана вдруг заинтересовал вид неба, и Шойо, бросив на

него презрительный взгляд, ответила:

– Природа подсказала, как найти тебя.

– Шаманские фокусы, не так ли?

– Шаманские фокусы, которые помогут нам сбежать отсюда, – вставил Каган.

– Шойо идет с нами? – едва не вскрикнула Архелия.

– Само собой. Ей тоже нужно в Утмас и, на мой взгляд, у нас собралась идеальная компания для этого пути.

– Утмас для всех стал желанным местом? – пробурчала Хели, которой было нечего возразить – роль лидера тут взял Каган и ей оставалось только слушаться его, если она хочет достичь своей цели. – И что может сделать шаманка с этими шипами?

Каган быстро переглянулся с Шойо и та села на землю, приложив ладони к земле. Она закрыла глаза и застыла в такой позе.

Хели прождала минуту и не выдержала:

– Это надолго?

Но Каган в ответ только хмыкнул.

Ждать пришлось еще несколько минут и Хели начала терять терпение. Впрочем, ее быстро развлек Каган, который разбежался и на ее округлившихся глазах взбежал по отвесной стене и запрыгнул на один из шипов. Затем самодовольной походкой прошелся от основания шипа до самого его кончика, на который и уселся. До Архелии не сразу дошло то, что шип не обломался, когда по нему прошелся молодой

человек весом поболее Хели.

– Что ты сделала? – бросилась она к медитирующей Шойо, даже убрав обычные презрительные нотки из своего голоса.

Но стоило Хели отвлечь шаманку, как Каган, кувыркнувшись с обломавшегося кончика шипа, полетел к земле. Уже у самой травы он успел перегруппироваться и приземлиться.

– Нельзя отвлекать шаманок! – яростно налетел он на Архелию, которая втайне злорадствовала, считая, что Каган заслужил кувырок.

– Я не знала, – захлопала глазами та. Шойо молча закатила глаза.

Через несколько минут они уже сидели на траве, оглядывали склоны и составляли план побега. Шойо молча жевала какой-то цветок, так что планировали в основном Каган и Архелия.

– Ты представляешь, сколько времени займет такой подъем? – Хели с тоской смотрела на нависающие края кальдеры.

– У тебя есть другой вариант? – раздраженно ответил Каган.

– Пусть она тренируется, чтобы осилить за один раз не два шипа, а хотя бы пять!

– Ну разумеется, это же зависит от меня! И как ты собираешься поднимать ее сразу через несколько шипов? Это невозможно, глупая твоя голова, нам никак не ускорить подъем.

Архелия скрестила руки на груди и надулась. Ее совер-

шенно не устраивала перспектива брать с собой Шойо, хотя она прекрасно понимала, что без нее они не смогут подняться по склону. Необходимость терпеть неприятную личность раздражала еще больше.

– Когда мы сбежим? – поинтересовалась она.

– Когда подготовим все необходимое для пути. Нам придется идти очень долго.

– Может, удастся приобрести коней?

– У тебя есть деньги?

– Мы можем украсть, – пожала плечами Хели.

– Мы можем присоединиться к какому-нибудь каравану, – предложила Шойо. – Воровать коней у степных кочевников – очень плохая идея.

– Почему это? – снова рассердилась Хели.

– Могу назвать тебе сразу несколько причин, – Каган перебил Шойо, – первая – наказание за воровство – смерть. Вторая – в степи конь, вздымающий тучу пыли, будет виден как на ладони. Ты и впрямь рассчитываешь на то, что люди, прожившие жизнь в степи, не смогут догнать тебя на своих скакунах?

– Мы можем украсть лошадей в каком-нибудь городе, – попыталась защититься Хели. – Без лошадей... хм, – она попыталась вспомнить знаменитое в степях изречение, которое ей однажды сказал Уман, – Человек в степи немощен без коня!

– Вот именно, – кивнул Каган. – В степи главное – не вода

и не еда, а скакун, который может спасти тебе жизнь. И относятся к ним соответственно. Поэтому немедленно выкинь из своей головы любые мысли о том, чтобы выкрасть лошадь, – и Каган вдруг так пристально посмотрел на Хели, что той показалось, будто он способен прочесть ее мысли. А думала она в этот момент только о том, что выкрадет коня при первой же возможности – хотя бы для того, чтобы доказать этой невыносимой компании, что это возможно.

– Хорошо, – в итоге согласилась Хели. – Сколько потребуется времени, чтобы собрать все, что нам необходимо?

Каган поднял лицо к небу и задумался, слегка прищурив глаза. Он словно вслушивался в окружающую их тишину, словно надеялся услышать знак того, что им нужно выступить.

– Две недели. Может быть, три.

– Так долго? – расстроилась Хели. – Я рассчитывала на пару дней.

– Не ты одна торопишься покинуть Узон, – вдруг разозлился Каган. Хели удивленно посмотрела на него – она впервые его в гневе. Она испугалась – ее представление о невозмутимом Кагане вдруг пошатнулось. Рассерженным он выглядел пугающе – не хотела бы она в этот момент оказаться у него на пути.

– Ладно, – примирительно сказала она. – Все будет как скажешь.

Настала очередь Кагана удивляться – он бросил взгляд на

девушку, раздумывая, что привело ее к смирению. Ему и в голову не приходило то, как угрожающе он мог порой выглядеть.

Им предстоит прожить в Каменном Гнезде еще две недели – и все это в обществе Шойо, которая не делала никаких попыток подружиться с Хели и вообще старалась обращать на нее поменьше внимания. Но сама Хели, как ни пыталась игнорировать девочку-шаманку, порой не могла удержаться от колкостей в ее сторону. Каган не обращал внимания на их прения, он вообще старался проводить с ними поменьше времени, лишь иногда приглядывая за Хели и проверяя, жива ли она.

Архелия же активно исследовала кальдеру и охотилась на животных, рассчитывая завялить мясо с помощью старика, приютившего ее. Часть добычи Хели собиралась отдать хозяевам дома в качестве оплаты за постой и неудобства, которые причиняла им. Когда ей навязывался Каган и уговаривал прекратить охоту и начать проводить время более цивилизованно – например, общаясь с деревенскими жителями, она наотрез отказывалась, мотивируя свои поступки тем, что заготавливает мясо и шкуры для длительного пути в Утмас. Каган не мог с этим спорить и оставлял ее в покое еще на пару дней, на которые хватало его терпения. Затем беспокойство брало свое и он снова с помощью Шойо отыскивал Хели в лесах и начинал свою песню сначала.

Хели льстило его внимание и его забота, на этом фоне она

даже не задумывалась о причинах такой навязчивой заботы. Даже Шойо перестала ее волновать и к концу первой недели она стала относиться к ней более благосклонно. Сама шаманка, казалось, нисколько не готовилась к дороге – она целыми днями бродила по лугам и лесам, купалась в озере, плавая на спине. Она плела венки, собирала травы и цветы и, по-видимому, что-то с ними делала.

Архелия также собирала некоторые растения и знакомые ей плоды, и однажды едва не отправилась на тот свет, польстившись на аппетитные круглые, бордовые ягодки на низком растении. Уже сорвав их и поднеся к лицу, она заметила отличительную черту ядовитых плодов – стебелек уходил глубоко в ягоду, дальше ее середины. Хели вспомнила, что Уман когда-то показывал ей манускрипт с описанием ядовитых цветов, растений и ягод. Она пожалела, что этой книги у нее с собой нет и на всякий случай нарвала побольше этих ягод. Соком можно натереть кончики стрел, оставшиеся ягоды засушить и делать отвары. Хели задумалась – зачем ей отравляющие отвары? Она взяла ягодку и стала пристально ее разглядывать – какой у плода вкус? Сможет ли человек его съесть, не почувствовав, что ест яд?

Теперь она пожалела, что не так внимательно изучала манускрипт. Она не помнила ни названия ягоды, ни ее употребления, ни даже свойств. Яд и есть яд, неважно какие у него свойства – они в любом случае будут не самые приятные для человека – так она считала тогда. Нужно будет спросить у

Кагана – его же должны были обучать ядам и есть надежда, что он слушал внимательнее.

Хели бережно завернула ягоды в тряпочку и сунула в сумку. Ей еще предстояло свежевать коричневые шкурки кроликов, которых она поймала в силки и придумать, что можно сделать с роскошной рыжей шкурой лисицы, которая сейчас лежала дома. С помощью старика она научилась вялить мясо и теперь чуть меньше половины добычи она пускала на длинные, тонкие кусочки мяса, которые высушивала на крыше дома, где воздух более или менее находился в движении и можно было не бояться, что мясо попросту протухнет. Вяленое мясо мало весило и почти не занимало места, но при этом его можно было варить и даже тушить, если хорошенько отмочить. Теперь-то Каган не сможет сказать, что она была бесполезна.

Она вспомнила последние слова, которые он сказал ей – это было выражение восхищения ее луком, спроектированным для нее лучником, которого Дан привез из другой страны.

Лук имел блочную конструкцию, благодаря которой Хели долго могла держать тетиву натянутой, пока целилась. Это было неслыханным делом – Каган предположил, что такой лук может существовать в единственном экземпляре. Тетиву обычного лука невозможно было держать натянутой больше пары-тройки секунд, что требовало значительной меткости от лучника. Блочный же позволял держать тетиву и целить-

ся довольно долго. Конечно, после этого даже при наличии перчатки, на пальцах Хели оставались ноющие полосы от тетины, но достоинства лука, в том числе его миниатюрность и легкость – все компенсировали. Лук Архелии казался бы Кагану детской игрушкой по сравнению с привычным оружием, если бы не его убийственная сила.

Побег

Девятая ночь в Узоне для Хели началась со страшного грохота, который буквально подкинул ее на кровати. Она мгновенно вскочила, вооружилась и вылетела из своей комнаты, сбив по пути старика, который был удивлен не меньше нее. Дом стоял на месте – очевидно, не землетрясение. Архелия выбежала на улицу, на которую высыпало все население. Все в ужасе бежали к окраине, рассчитывая увидеть причину грохота. По крышам Хели быстрее всех добежала до главных ворот и замерла, пораженная картиной.

Вдалеке, в месте, где раньше проходил туннель, через который в Узон проникли беженцы, по склонам кальдеры сходила каменная лавина, стирающая в пыль все на своем пути. Камни с вершины склона, согнанные со своего места, с бешеной скоростью летели вниз, сбивая шипы и смешиваясь с ними. Хели подняла взгляд на вершину склона, за которым обычно чернело небо, но теперь это небо расцвечивалось разноцветными вспышками.

"Кандир", – в ужасе поняла Архелия. – "Там Кандир!!!"

Даже если кто-то мог подумать, что в Кандире неожиданно стали отмечать праздники и использовать при этом огни, она сразу поняла, что случилось что-то ужасное. Нужна очень мощная сила, чтобы обрушить лавину, ведь гора невозмутимо стояла даже тогда, когда ее потревожили буре-

нием. И эти разноцветные вспышки – их источник должен быть очень мощным, чтобы отсветы было видно на такой высоте. Магия?

Она вздрогнула и резко обернулась, когда почувствовала за спиной чей-то взгляд. Чуть позади стоял донельзя мрачный Каган с плащом на плечах, с сумкой и оружием в руках.

– Уходим, – кратко сказал он и побежал по крышам в обратную сторону.

Хели пришлось вернуться в дом, чтобы собрать вещи и запастись провизией, которую она предусмотрительно приготовила на случай внезапного бегства. Убегая по крышам, она продолжала слышать грохот падающих камней – казалось, целый склон покатился в цветущую кальдеру.

Они бежали к противоположному склону около получаса и, несмотря на то, что Хели была загружена, ноги по-прежнему легко несли ее по мягкой траве. В этот момент она вспомнила свои многодневные тренировки, благодаря которым ее тело теперь могло многое перенести.

У склона их ждала ничуть не запыхавшаяся Шойо. Архелия слегка удивилась тому, что шаманка вроде бы давно их тут ждет, но на длительные размышления не было времени.

Едва завидев их вдаль, Шойо упала на землю и приложила ладони к траве, устремив взгляд в каменный склон. Когда Хели приблизилась, то заметила, что широко раскрытые глаза шаманки пусты, словно она смотрит сквозь гору и видит то, что доступно только ей. Хели не решилась прервать ее

медитацию и молча последовала за Каганом, который, проверив прочность камня, взобрался на первый шип.

– Ани! – негромко крикнул он и Шойо со все теми же пустыми глазами подошла к шипу, и Каган помог ей взобраться на него. Хели отметила, что движения девушки казались механическими. Она уселась на шип и снова приложила ладони к земле. Каган с помощью "кошки" и веревки вскарабкался на второй шип и помог Хели забраться туда. Потом на веревке поднял Шойо.

Так они преодолевали каждый метр склона, взбираясь с одного шипа на другой и затем поднимая шаманку, которая все это время не выходила из транса.

– Как ты ее назвал? – тихо спросила Хели во время очередного подъема, когда Каган, держа ее за руку, помогал подняться.

– Ты не могла найти более подходящее время для вопросов? – пыхтя, ответил тот. – Ани – шаманка. Она стала ани, когда умерла ее наставница.

– Ясно, – пробормотала Хели, стараясь не смотреть вниз – она впервые в жизни обнаружила, что боится высоты. Стоило ей бросить взгляд вниз и у нее начинали подкашиваться ноги. Нельзя признаваться в этом сейчас, когда их единственное спасение – высота.

Они уже забрались на треть склона и стали появляться первые сильные порывы ветра. Архелия заметила обеспокоенное выражение лица Кагана, когда он порой бросал взгляд

наверх. Если что-то пойдет не так и концентрация Шойо станет слабее – у них всех есть шанс сорваться вниз.

К середине подъема Шойо устала так, что прервала свою концентрацию и села у основания шипа. На ее лбу блестели капли пота. Каган и Хели сгруппировались вокруг нее, как можно ближе к центральной линии шипа, чтобы уменьшить риск обвала.

– Я... больше не могу, – сбиваясь, сказала она и закрыла глаза.

Каган вдруг нежно взял ее за подбородок и помог поднять голову. Шойо приоткрыла лихорадочно блестящие черные глаза.

– Ты должна, – тихо сказал он. – Возьми энергию ветра.

– Не дадут, – она едва заметно покачала головой. – Дай мне немного времени и я... постараюсь, – сквозь полузакрытые веки она посмотрела на обеспокоенную Хели. – Может быть, амари поделится силой?

– Ты же знаешь, у нее еще нет этого.

Шойо слегка нахмурилась.

– Хорошо, – она закрыла глаза и сразу же погрузилась в дрему.

– Что? Она что, спит? – поинтересовалась Хели, которая, хоть и не признавалась в этом, но возлагала все надежды на эту девушку, которая теперь была обессилена и не могла продолжать подъем.

– Ей нужно отдохнуть, – отрезал Каган.

– Сколько? – Хели бросила взгляд на висевшую в дальней части небосклона луну. Еще несколько часов – и рассвет.

– Час, может больше. Ты тоже можешь отдохнуть, – Каган плотнее запахнул плащ и устроился поудобнее. – Только не спи. Если мне придется ловить Шойо, я не смогу поймать и тебя.

Но Хели было не до сна. Стоило ей представить, что она смотрит вниз – сон как рукой снимало. К тому же здесь дул изрядный ветер, и она решила накинуть плащ. С полузакрытыми глазами, чтобы сузить обзор и не обращать внимания на распростершуюся под ними бездну, она стала разворачивать плащ.

– Ты... боишься высоты? – все-таки заметил Каган. – Подумать только! – он разразился тихим смехом.

– Что в этом смешного? – сердито отозвалась Хели, усаживаясь так, чтобы плащом прикрыть голову и видеть как можно меньше.

– Ты ведь тренировалась в горах, должна была привыкнуть.

– Там совсем другое. Да, высоко, но там не было таких обрывов, не было такой массы воздуха подо мной! И ты даже представить себе не можешь, как это страшно, – призналась Архелия.

– Ты права – не могу, – согласился тот.

– Ты вообще чего-нибудь боишься?

– Зачем мне говорить кому-то о своих страхах? Тебе не

кажется, что это неразумно?

– Можешь прекратить играть в бездушного убийцу. Ты такой же человек, как все мы.

Каган хохотнул так, что Хели обиделась – что смешного она постоянно говорит, что он так реагирует на ее слова?

– Ты хоть можешь представить, насколько мы все разные здесь, на высоте нескольких сотен метров?

– Мы все – люди, – парировала Хели.

– Я – да, Шойо – да, ты – нет.

– Что? – в очередной раз спросила та.

– Ты – порождение магии, вот почему ты должна попасть в Аламгир – только там ты сможешь найти ответы на все свои вопросы, – пожал плечами Каган. – Сейчас твоя сила спит, но когда-нибудь она проснется, и ты станешь великим героем, если выживешь, конечно, – снова усмехнулся он.

– Ни разу не обнаруживала в себе ничего чудесного, – горько вздохнула Архелия, вспоминая дни, проведенные в Кандире. Она была самой обычной, физически не превосходила своих ровесников, и только тренировки с Тохоном помогли ей стать намного выносливее и в чем-то даже сильнее. Она вспомнила, как много раз он спасал ее, помогал подняться. Она бросила взгляд на склон, над которым до сих пор пылало разноцветное зарево. Тохон остался в Кандире, как и большинство обученных бойцов Дана.

– Что происходит сейчас в Кандире? – тихо спросила она Кагана.

– Я не знаю. Могу лишь предположить, что там война.

– Ты когда-нибудь видел подобное? – она кивнула на за-
рево. – Это магия?

– Не знаю, – ответил он и опустил голову на колени, слов-
но завершая разговор.

– Я боюсь, что больше никогда не увижу Кандир.

– А зачем тебе снова видеть то, что было твоей тюрьмой
всю жизнь? – глухо отозвался тот.

– Все-таки это был мой дом, – рассердилась девушка.

– Твой дом был сожжен одиннадцать лет назад.

– Откуда ты все это знаешь?

– Все знают. Это история. Не моя вина, что ты так плохо
училась, – зевнул он, поддевая ее своими словами.

– Мне никто не говорил, что я принадлежу Ирристрию, –
ссызвила Хели. – И о них почти ничего не пишут в книгах.

– Не пишут в книгах, которые ты читала в Кандире, стран-
но, не правда ли? Не в интересах Дана было давать тебе ин-
формацию, в конце концов, именно он уничтожил твою се-
мью.

– Я не верю, – произнесла Хели. – Я знала о деятельности
Тихого ордена, они никогда не затевали войн, они просто...
просто незаметно убивали определенных людей. В истории
нет ни одного случая, когда они бы перебили целую семью.

– Теперь есть, – парировал Каган. – Прекрати мучаться
вопросами, на которые пока нет ответов. Доберешься до уче-
ных и магов Аламгира и найдешь то, что хочешь.

– Откуда ты знаешь об Аламгире? – любопытствовала Хели, поняв, что про свою семью она больше ничего не вытянет.

– О нем все-е знают, Архелия, это самый великий город на свете, – устало протянул Каган. – Город-мечта не только бедняков со всего мира, но и знатных вельмож и даже королей. Самые могущественные властелины мечтают породниться с тамошней королевской семьей. Ступить на порог дворца – предел их мечтаний.

Хели молча переваривала услышанное, а Каган продолжал, словно вспоминал далекое прошлое, которое скорей всего видел лишь в снах – насколько Хели знала, Каган не мог быть в Утмасае и тем более в его главном городе – Аламгире.

– Аламгир находится на такой высоте, что кажется, будто он парит в облаках. Его стены из белого, полупрозрачного камня отражают розовый свет восхода и тогда весь город становится розовым. Роскошный багровый цвет он приобретает на закате. Днем город светится в лучах солнца, а ночью в нем загораются огни, и дома словно сияют изнутри. Там самые необычные деревья, какие только можно представить – у них серебряные стволы и розовые, словно губы молодой девушки, листья. И да, там самые красивые девушки, каких только видел свет.

– Я смотрю, ты сильно хочешь туда, – пробормотала Хели.

– Там много фонтанов, отделанных драгоценными камнями.

ми, сияющих в брызгах чистейшей воды. В городе собрана тысяча радуг. Его жители не знают бед и нищеты. Да что я тебе рассказываю – тебе нужно самой там побывать.

– Что-то у меня не вяжется образ чудесного города с его правителем, – сказала она, вспомнив грубо нарисованный портрет Ахала – крепкого, высокого мужчины с очень короткими волосами и жестким взглядом.

– Ничего не могу сказать по этому поводу – я никогда его не видел, – пожал плечами Каган. – Какая, в конце концов, разница, какой он, если он сумел создать Аламгир?

Хели замолчала, прикрыв глаза. Каган рассказывал об Аламгире так, будто и правда видел его. Либо он пересказывал ей свои фантазии, либо чужие рассказы. Но помимо восторженных ноток в его голосе звучали ноты грусти, будто он тосковал по жизни, которой жили обитатели этого чудесного города.

– Сколько до него идти? – тихо спросила она, глядя в небо.

– Все зависит от нашей скорости, это может быть полгода или больше.

Хели вытаращилась на Кагана.

– Почему так долго?!

– Ты когда-нибудь видела карту? – он порылся в своей сумке и достал оттуда тонкий, свернутый трубочкой кусок кожи. – Гляди, – он ткнул пальцем в жирную черную точку с надписью «Кандир», а затем провел длинную линию через весь Алькамар к Утмасу и его столице Аламгиру. – Мы пой-

дем у подножья южных гор Турана, здесь, – он указал на линию, означавшую границу Турана и Тивока. – Может быть заглянем в Лан-Дореш, – он перевел палец на круг, означавший крупнейший город южной части Турана, который находился недалеко от границы с Бирсом. – Потом в Бирс. И нам придется пройти треть Утмаса до того, как мы достигнем Аламгира. Как считаешь, за какой срок можно преодолеть такое расстояние?

Хели приуныла.

– Не вешай нос, принцесса, – подзадорил ее Каган. – Ты увидишь новые места, новые города и, может быть, познакомишься с новыми людьми.

– Как думаешь, – задумчиво произнесла она, – гора, похожая на дракона, встретится на нашем пути?

– Может встретится, а может и нет, – тот пожал плечами.

Новые земли, новые места, – задумалась Хели. Каган был прав, она впервые увидит что-то новое. Девушка бросила тоскливый взгляд в сторону обвала, навсегда запечатавшего кандирские тоннели. Если все будет так увлекательно, как он говорит, почему она чувствует эту давящую смесь сожаления, печали и тоски, вспоминая раскаленные солнцем крыши Кандира?..

Вскоре, карабкаясь по пористым шипам, Хели не могла избавиться от мысли, что прежняя жизнь ускользает, как песок сквозь пальцы. И она не была уверена, что рада этому, хотя неопределенное будущее и чудесный город, маячивший

где-то впереди, волновали ее и придавали сил.

Остаток подъема они преодолели намного медленней. И Шойо и Архелия устали. Вероятно, Каган тоже выдохся, но не показывал виду. Чем выше они поднимались, тем больше им приходилось бороться с ветром. На самой вершине, где отвесная стена Каменного Гнезда граничила с сухим каньоном, перед ними открылось небольшое, плоское пространство, покрытое редкой травой и обрывающееся на юге.

– Это высшая точка Узона, – сказал Каган. – Теперь нам нужно спуститься.

Сердце Хели подскочило к самому горлу, когда она подошла к краю площадки и бросила взгляд вниз.

– Спуститься? – от страха ее голос сорвался, и она едва не шлепнулась на траву. – Здесь гораздо выше, чем в Гнезде!

– И намного удобней спускаться, – возразил Каган и Хели не могла с ним спорить.

Перед ними простирался узкий каньон, кое-где покрытый зеленью. Выступающие пласты земли позволяли спуститься вниз, к тоненькой речушке. Хели настороженно оглядывалась – здесь они были словно в ловушке – достаточно было зажать их с двух сторон. Спуститься здесь они могли быстро, но вряд ли также быстро смогут подняться, если им будет угрожать опасность. Она похлопала себя по бедрам – клинки при ней, лук за плечами.

Каган решил устроить ночлег прямо здесь, на продуваемой ветрами площадке, чтобы наутро продолжить с новыми

силами. Несмотря на свист ветра, Хели быстро провалилась в глубокий сон.

Наутро они быстро перекусили и начали неспешный спуск в каньон.

– Вон там граница с Тивоком, – Каган указал на юг, куда-то за каньон. – Когда мы выйдем отсюда, то можем встретить торговые караваны оттуда. Думаю, нет нужды напоминать тебе о том, что ты должна прятать волосы и глаза?

– Неужели кто-то может помнить о моей семье? – пробормотала Хели, тщательно смотря себе под ноги.

– О ней помнит куда больше людей, чем ты думаешь, – ответил тот. – Когда спустимся, то сможем искупаться в речке. Хотя вода там, должно быть, холодная.

Глядя на речку, Хели ускорила шаг, а потом и вовсе побежала, спускаясь по пластам породы зигзагами. Временами под ногами попадались крошечные цветы и даже ягоды, некоторые из которых Хели узнавала. Остановилась она у нескольких невысоких деревьев, дававших тень. Здесь она уселась прямо на землю в ожидании Кагана и Шойо, которые не так спешили.

Несмотря на большую разницу в расстояниях, спустились они в три раза быстрее, чем поднимались на шипастую стену Узона.

– Вода! – счастливо взвизгнула Хели, по колено забежав в речку.

Ледяная вода обжигала кожу, но девушка загребала ее и

пила, сложив ладони чашечкой.

– Какая вкусная, – восхищенно произнесла она, подняв голову на Кагана, который располагался на берегу.

– Родники, – отозвался тот. – Потому и холодная.

А Шойо, как и всегда, молча, уселась прямо в ледяную воду и закрыла глаза, глубоко вдыхая прохладный воздух.

– Она же заболит, – с сомнением сказала Хели, выходя из воды и направляясь к Кагану.

– Это ее стихия, – пожал плечами юноша. – Она заряжается от нее. Шойо-ани никогда не встречала таких широких родников и теперь пьет из него нечто другое, нежели воду.

Резкий порыв ветра заставил Хели встревожено оглянуться.

– Я останусь на дежурство, – сказала она, расстилая свое одеяло.

Каган, словно бы прочитав ее мысли, сказал:

– Я уверен, здесь сотни лет не ступала нога человека. Чего ты боишься?

Девушка не ответила. Ею овладела сильная тревога – с ней никогда раньше такого не случалось, и обострение интуиции беспокоило ее больше всего, тем более что она совершенно не рассчитывала оказаться в каньоне после подъема из Каменного Гнезда.

Что здесь могло случиться? Может, быть нападение зверей? Но всюду, сколько хватало глаз, были лишь коричневые пласты земли и камня, кое-где покрытые травой и редкими

деревьями, под которым невозможно спрятаться. Ветер гулял по каньону, вороша траву и создавая легкий свист. Кроме этого здесь царила полнейшая тишина.

Обвал? Но обваливаться здесь уже нечему – Хели убедилась, что склоны каньона стоят как влитые и единственными подвижными объектами здесь была трава и листья деревьев.

Засада? Это было наиболее реальным, хоть все здесь и выглядело безжизненным. И кому нужно было устраивать засаду? Никто не мог знать в каком месте они спустятся. И кому они вообще могут быть нужны?

Хели вздохнула и уселась на уже успевший прогреться камень. Она наблюдала, как Каган и Шойо чуть ниже устраиваются поспать. Девушка прислонилась к теплой земляной стене и стала рассматривать каньон и его выточенные ветром стены. Она никогда не была в подобном месте. Ветер здесь был теплым, иногда прохладным, когда его порывы проносились над холодной рекой, вбирая в себя ее прохладу.

Тихий свист ветра в конце концов убаюкал Хели и она, прислонившись к стене, задремала. Свист превратился в тихий, неразборчивый шепот, который Хели слышала во сне, но не могла разобрать ни слова. Ей казалось, что ветер нежно говорит ей что-то. Во сне к Хели пришло спокойствие и умиротворение, которого она давно не испытывала. Она могла бы проспать так целые сутки, но ее сон совершенно неожиданно прервался.

Похищение

Она лишь успела увидеть яркое солнце прямо над головой, которое ослепило ее, и в следующий момент ей грубо завязали глаза. Архелия попыталась дернуться, но ее руки и ноги были крепко связаны – она даже не почувствовала, как ее связали во сне.

Хели попыталась закричать, и тут же ей в рот сунули какие-то ягоды и сильно сжали челюсти. Зубы мгновенно раскусили плоды, рот наполнил незнакомый горьковатый вкус. Сок подействовал сразу же – девушка почувствовала неприятную слабость в конечностях, которые спустя несколько секунд и вовсе перестала ощущать. Паника накатывала волнами, Хели было тяжело дышать, несмотря на то, что рот ей не завязывали. Она больше не могла пошевелиться, а в голове билась одна мысль – паралич.

Где Каган, где Шойо? Почему вокруг стоит эта свистящая тишина?

Если бы на них напали – были бы крики, звон оружия, хоть что-то...?

Но Хели слышала только свист ветра и громкий стук собственного сердца. Вскоре раздались множественные шаги – словно вокруг появился десяток людей. Кто-то похлопал кого-то по плечу, и Хели сунули в мешок головой наружу и привязали к боку меланхоличной лошади.

"Каган, где ты?!" – взмолилась Хели про себя. Ей было жарко, душно, было трудно дышать и невозможно двигаться. Куда ее несут? Сколько это будет продолжаться, и где, раздери его душу, Каган?! Неужели его убили?

Лошадь, на которой везли Архелию, неторопливо ступала по каменистой земле, не особенно беспокоя девушку. Кто-то, вероятно, вел кобылу под уздцы и шел с противоположной стороны.

– Это, пожалуй, лучшее, что происходило за последние пятьдесят лет, не считая разгрома этих ублюдков, – низким голосом сказал кто-то впереди.

– Мы еще не доставили груз, поэтому рано судить об успехе, – заметил другой. И голос этого "другого" показался Хели до боли знакомым.

– А с этим что делать будем? – поинтересовался второй, имея в виду некоего человека.

– Сам знаешь.

– Сколько будет действовать бадика?

Бадика. Архелия внезапно вспомнила название той ягоды, что она сорвала в Узоне – бадика, сок которой вызывал почти суточный паралич. И ей в рот затолкали ягоды, сорванные ее рукой. Архелия прокляла себя за беспечность – нужно было не только не засыпать, но и получше припрятать ягоды. Пожалуй, если бы не они, она могла бы оказать сопротивление. И теперь ее, парализованную, везут, словно безвольный мешок овощей.

Солнце припекало голову Хели, которую никто не догадался прикрыть. Спустя несколько часов неторопливой езды на боку кобылы Хели почувствовала дурноту. Голова сильно заболела, подступила тошнота. К ее ужасу она не могла ни слова сказать ее тюремщикам, чтобы они как-то облегчили ее состояние. Архелия не привыкла болеть – она всегда отличалась отменным здоровьем, которое не подводило ее раньше – она знала, как вести себя в степи под ослепительным солнцем, но теперь из-за ошибки похитителей чувствовала себя хуже некуда.

– Слышь, она чего-то бледная, – один из мужчин толкнул соседа локтем. – Может, дать ей воды?

– Недоумок, она парализована. Захлебнется еще, зачем тебе эти хлопоты?

Тут кто-то резкими шагами подошел к кобыле Хели и остановил ее.

– Немедленно останавливаемся, – сказал Каган.
Каган?!

Впрочем, Архелии было не до обдумывания странной ситуации, в которой Каган был одним из ее тюремщиков. Ей было так плохо, что временами она теряла сознание.

– Тебе запрещено к ней подходить! – кто-то попытался остановить его, но раздался звук удара, сопровождавшийся злым голосом Кагана:

– А теперь скажи, что еще мне запрещено? Достаточно того, что вы, идиоты, едва не убили ее, не провезя и дня!

Каким-то задним умом до Хели доходила информация из внешнего мира – Каган снова заботился о ней. Он полил ей лицо тепловатой водой, которой она была благодарна, и накрыл ей голову платком, шепнув:

– Потерпи немного, скоро будет лучше.

Хели слышала, как Каган указывал остальным, как нужно правильно ставить шатер, после чего занес в него девушку и развязал ей руки и ноги, запретив остальным входить. Почему-то с ним никто не спорил. Хели слышала, как они устроились подле шатра, вероятно, в его тени. Каган подвесил края шатра у входа так, чтобы по нему гулял ветер.

– Я не стану тебя раздевать, – сказал он, доставая воду из сумок. – Но тебе придется потерпеть обливание, после него тебе станет лучше, – он стал медленно поливать Хели с ног до головы, стараясь, чтобы одежда посильнее пропиталась водой. Затем он снял повязку с ее глаз и посмотрел в расширенные зрачки.

Хели едва улавливала смысл слов – она то проваливалась в забытие, то снова выныривала оттуда. Но действия Кагана в любом случае приносили пользу – ей становилось лучше, температура спадала, она снова могла нормально дышать.

– У тебя много вопросов? – тихо сказал он, кладя ей на лоб мокрую тряпку. – Архелия, нас схватили. Я знаю этих людей, и более того – ты сама хорошо знаешь одного из них. Я сумел убедить его в своей преданности, чтобы меня не связали, но теперь нам нужно бежать от них. Ты должна мне

помочь, Шойо-ани такая же пленница, как ты, и она с нами.

Хели попыталась сделать как можно более удивленный взгляд и Каган верно его истолковал.

– Это Тохон с людьми из Кандира, они сбежали, когда в Кандир пришла война. Дана здесь нет, он скорее всего погиб.

Хели захотелось закричать – "этого не может быть". Дан никогда не умер бы. Он бессмертен. Дан – основа ордена Тихих убийц, их глава, построивший целую систему крепостей, человек, построивший свою политику, человек, которого боялись правители – он не мог погибнуть так просто.

– Мне неизвестно, кто напал на Кандир. Этого не знает и Тохон, но они видели руины Кандира и Вирнала. Что с другими крепостями мне неизвестно.

Хели облегченно выдохнула – Дан скорее всего скрылся в других своих крепостях. Может быть, они даже успели эвакуировать из Кандира всех до последней собаки. Дан знал, что надвигается буря и предпринимал меры. Но того, что сбежал Тохон – она не могла понять. Он много лет готовился ко вступлению в орден и готов был положить свою голову во имя ордена.

Каган склонился к Хели и прошептал ей на ухо:

– Ты пробудешь в параличе до наступления ночи. Потом готовься убивать.

На последнем слове в шатер широкими шагами вошел Тохон и прервал Кагана.

– Здравствуй, амари. Думаю, нет смысла и дальше носить

маски.

Хели не могла видеть злобный взгляд Кагана, когда он приложил палец к губам, глядя на Тохона. Тот хмыкнул и уселся с другой стороны неподвижно лежащей Хели.

– Я посижу здесь, – на лице Тохона расплылась довольная улыбка. – Мои люди оцепили шатер, так что ты окружен. Не вздумай делать глупости, – сказал он Кагану.

– Надеюсь, ты покормишь нашу бесценную амари, когда действие бадики пройдет. Нам все-таки нужно довести ее живой и здоровой, – саркастично сказал Каган. – Я не говорю о других естественных потребностях, – еще более едко добавил он. – Ты лучше других знаешь способности Архелии, поэтому я думаю, что можно обойтись и без бадики.

Тохон покачал головой.

– Исключено. Она будет бездвижна большую часть времени, чтобы не смогла бежать, и чтобы никто не смог увести ее. Что же ты так ратуешь за нее? Как же это называется?.. Первая влюбленность? Неужели ты способен на такое? Впрочем, тогда я совсем перестаю понимать, почему ты заодно со мной, – он подмигнул Кагану.

– Я лишь исполняю приказ, – бросил тот.

После этих слов они оба замолчали. Архелия поначалу пыталась понять почему же ее похитили, но ей так ничего и не пришло в голову. Скоро ее сморил сон, и она с облегчением позволила себе уснуть. Каган что-нибудь придумает, он спасет ее.

Каган тем временем прогулялся по лагерю, попутно запоминая расстановку сил. Четверо воинов, шедших заодно с Тохоном, занимались костром, еще двое сторожили Шойо, у которой были связаны руки. Проходя мимо нее, Каган хмыкнул – он знал, что связывать шаманку совершенно бессмысленно. Уж кому нужна была бадика для безопасности окружающих, так это ей.

Шаманка с блаженным видом сидела на прогретой солнцем земле, раскинув колени в стороны и положив руки перед собой. По мнению Кагана Шойо была самым опасным врагом из всех присутствующих, но он знал ее главное слабое место – для использования оружия – стихий, ей требовалось время. Тохон мог только догадываться об этом. И если сейчас не тревожить девушку, к вечеру здесь разразится буря.

Мощная связь маленькой, худенькой девочки с силами природы дала Шойо шанс на жизнь, когда ее обнаружили у врат Кандира. Шаманка Дана будто бы знала об ее прибытии, сразу же встретила и взяла под свою опеку, под которой Шойо прожила двенадцать лет до самой смерти наставницы.

Шойо как-то говорила, что ей запрещено убивать живых существ за исключением случаев борьбы за выживание. Она говорила, что в природе это называется естественным отбором. Каган кинул взгляд на стражей, которые пытались обмахиваться тряпками от жары и подумал, что вероятно, сейчас тот самый случай борьбы за выживание. Он рассчитывал, что Шойо вызовет песчаную бурю или что-то вроде то-

го. "Что-то вроде того" – он не мог придумать что именно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.